

АЙРИС ДЖОАНСЕН

Пьянящий
ВКУС ЖИЗНИ

Айрис Джоансен
Пьянящий вкус жизни
(Сильнее времени)
Серия «Танцующий ветер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159629

Оригинал: IrisJohansen, "Reap the Wind"

Перевод:

Л. А. Аралина

Аннотация

В жизни Кэтлин Вазаро две мечты – разгадать тайну драгоценной статуэтки, известной со времен падения Трои под названием «Танцующий ветер», и спасти от разорения свое поместье. Когда в ее жизни появляется загадочный Алекс Каразов, предлагая решить все проблемы, ей кажется, что для него нет ничего невозможного... Но что на самом деле ему нужно от нее и для чего ему понадобился «Танцующий ветер»?.. Реальность оказывается более опасной и захватывающей, чем мечты.

Содержание

ПРОЛОГ	4
1	7
2	40
3	70
4	103
5	128
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Айрис Джоансен

Пьянящий вкус жизни

ПРОЛОГ

Базара, Франция. 12 июля 1978 г.

– Что ты делаешь здесь одна, в такой поздний час? – Жак д'Аблер опустился на колени рядом с девочкой. – Тебе давно пора спать, малышка!

– Жак! Он забрал мой кулон! – прошептала Кэтлин. – Моего крылатого коня.

Тяжелая рука Жака осторожно легла на голову девочки. Он нежно погладил ее по волосам.

– Не горюй! Рано или поздно ты снова получишь свое сокровище.

– Нет! Я бежала следом за ним по дороге, но он даже не обернулся. Мама сказала, что он больше нас не любит. – Кэтлин уткнулась Жаку в грудь. – И никогда не вернется в Вазаро.

– Пойдем домой, – мягко сказал Жак, помогая ей подняться.

– Зачем он забрал Пегаса? Ведь он сам подарил его мне. – Она всхлипнула. – Я веду себя совсем как маленькая, да?

– В двенадцать лет можно позволить себе немного попла-

кать.

– Он обещал мне, что обязательно покажет настоящую статуэтку. Что я увижу Танцующий Ветер. Он говорил...

– Забудь о нем! Выбрось его из головы. Завтра мы пойдем в поле собирать лаванду. Мы не хотели начинать без тебя.

– Завтра надо идти в школу, – отозвалась девочка.

– Я попрошу, чтобы мама отпустила тебя.

– Правда?

– Никто не сможет отобрать у тебя твои поля и цветы.

– Никогда?

– До тех пор, пока ты будешь ухаживать за ними и беречь их. – Он взял ее за руку. – Пойдем.

– Значит, я так никогда и не увижу Танцующий Ветер? Это тоже был обман, как и все остальное?

Жак молчал, не желая огорчать ее еще больше.

Кэтлин зашагала за ним по дороге и вдруг услышала, как в поле запели цикады. Легкий ветерок донес острый запах лаванды, который смешался с запахом земли. Рядом с ней шел Жак. Сильный и крепкий, как те деревья, что росли вокруг, он тоже, казалось, был частью природы. Ощущение покоя и уверенности смягчило горечь утраты. И Жак, и Вазаро остались с нею. Они никогда не предадут ее. Кэтлин вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Он сказал маме, что Пегас стоит очень дорого, но мне он нравился не из-за этого, – тихо сказала девочка. – Он был так похож на Танцующий Ветер. И я надеялась, что...

Она надеялась, что отец всегда будет любить их, что все постепенно наладится и он никогда не покинет Вазаро...

– Танцующий Ветер не может сотворить чуда, Кэтлин.

– Да, конечно.

И все же она не могла не верить в волшебные свойства сказочно красивого крылатого коня с изумрудными глазами. Она могла ошибиться в чем угодно, но только не в этом. Мечта не может быть обманом.

1

Базель, Швейцария. 14 июня 1991 г.

Загадочные, завораживающие глаза крылатого коня, казалось, смотрели прямо на Алекса Каразова.

Несмотря на то, что это была черно-белая иллюстрация, старинная статуэтка и в самом деле производила странное, почти мистическое впечатление. «Наверное, случайный эффект, который получился из-за освещения во время съемки», – подумал Алекс, встряхивая головой и отгоняя навязание. Но теперь он по крайней мере мог понять, отчего с этой статуэткой связано столько легенд и преданий, столько таинственных историй, которые так и не получили разгадки до сегодняшнего дня. Фотографу удалось передать особенную атмосферу таинственности, которая окружала статуэтку и которая возникала всякий раз, как появлялось очередное сообщение о ней. Зато в подписи к иллюстрации он не обнаружил ничего нового для себя:

«Статуэтка Пегаса, известная как „Танцующий Ветер“, считается одним из самых ценных произведений мирового искусства. Знаменитые „глаза Танцующего Ветра“ выполнены из пары великолепно подобранных изумрудов по шестьдесят пять с половиной каратов каждый. Инкрустация из четырехсот сорока семи бриллиантов украшает основание статуэтки...

Лили Андреас, опубликовавшая в 1923 году свою книгу „Факты и легенды о Танцующем Ветре“, утверждала, что существуют исторические свидетельства о том, что Александр Македонский завладел статуэткой во время своего первого похода в Персию в 323 году до Р. Х. Впоследствии эта статуэтка оказалась у Карла Великого. Книга Лили Андреас вызвала ожесточенные споры. Особенно потому, что Лили Андреас, называя имена великих правителей, связывала падение и расцвет того или иного императорского дома с появлением и исчезновением магического крылатого коня. Эта статуэтка неизменно находилась в руках самых влиятельных исторических личностей. Более того, во все века правители прилагали невероятные усилия, чтобы завладеть статуэткой...»

Алекс раздраженно захлопнул второй том «Сокровищ мирового искусства» и поставил альбом на полку. Он и без того знал чуть ли не наизусть содержание книги Лили Андреас, поскольку Ледфорд в те времена, когда они вместе работали, цитировал из нее буквально целые главы.

Павел, сидевший в кресле и наблюдавший за своим другом, вскинул густые кустистые брови:

– Опять ничего?

– Мне нужны факты, а не легенды, – раздраженно сказал Алекс. – Мы напрасно тратим время. Прощу тебя, свяжись с главным хранителем Лувра и...

– ... спроси его, где сейчас находится Танцующий Ветер, –

закончил за него Павел. Покачав головой, он усмехнулся. – Ты же знаешь, что произойдет после этого. Он тотчас сделает запрос, узнает, откуда поступил звонок, и сообщит о нем в Интерпол. После вчерашней пропажи «Моны Лизы» они все там на ушах стоят. Самый невинный вопрос вызвал бы у них переполох, что же говорить о Танцующем Ветре?

– Да, да! Ты прав, – отрешенно проговорил Алекс, невидящими глазами глядя на стол, заваленный книгами, газетами, вырезками из журналов, словно перед ним была мозаика, из которой должно было сложиться заветное слово, нужный ответ. Над этой головоломкой как раз тщетно бился Алекс, пытаясь найти каждому кусочку мозаики свое место и обнаружить невидимый пока узор: связь между самыми разными событиями.

«Во Флоренции украдена „Венера“ Тициана».

«Террористы из группы „Черная Медина“ убили кардинала на его пути в Ватикан».

«Полицейские Амстердама сумели предотвратить похищение картины „Ночной дозор“ из музея».

«Из Лувра украдена „Мона Лиза“».

«Три человека погибли во время взрыва, совершенного террористической группой „Черная Медина“ в аэропорту Шарля де Голля».

Алекс смотрел на заголовки газет, разбросанных по сто-

ду, и никак не мог понять, где же скрывается ключ к разгадке. Если он на верном пути, то запрос в Лувр вызовет даже больший переполох, чем думает Павел.

– А почему бы и нет? Не сидеть же здесь как приклеенному, ломая голову над тем, что из чего вытекает. Надо действовать. И тебе придется позвонить. Сошлись на меня. Скажи, что я собираю материал для очередного романа и мне надо узнать, где находится Танцующий Ветер. Семья Андреас сейчас живет в Штатах. Но я припоминаю какой-то опрос, который несколько лет назад проводился во Франции: и большинство французов считают, что статуэтка является национальным достоянием, их страны. Так что в моем вопросе нет ничего криминального. Постарайся выжать из главного хранителя как можно больше сведений.

Павел не сводил глаз с сосредоточенного лица Алекса:

– Ну и что же произойдет, когда я добуду еще один кусочек информации для твоей мозаики? – Он шумно вздохнул. – А если статуэтка похищена? Тогда чем это обернется? В чьи двери сразу начнет стучаться полиция? – спросил он и сам же ответил, ударив кулаком в свою мощную грудь, обтянутую серым свитером: – В двери Павла Рубански. Нет! Этот звонок не сулит мне ничего, кроме массы неприятностей. Эх, будь у меня голова на плечах, я бы давно ушел от тебя и нашел бы пусть и менее оплачиваемую, но зато более безопасную работенку.

– И умирал бы там со скуки, – усмехнулся Алекс, вытас-

кивая очередную статью из пачки газет, – как умираю от тоски я...

Шагнувший было к двери Павел остановился, обернулся и удивленно посмотрел на друга:

– Наконец-то ты в этом признался! Так брось свои дурацкие головоломки. Оставь их Интерполу! Ты богатый человек. Ну и живи, как только может себе позволить состоятельный мужчина. Зачем нужны деньги, как не на то, чтобы их тратить? Давай вместо главного хранителя я позвоню в турагентство и закажу билеты на Мартинику? Тебе же всегда нравилось бывать там в это время года. – К его голосе появились просительные нотки. – Ну, на худой конец, я могу позвонить Анжеле и кому-нибудь из ее подружек. Приглашу их сюда на недельку. Секс – тоже неплохая разрядка. Не хуже любого путешествия.

– Ты и в самом деле считаешь, что столь заурядное развлечение заставит меня забыть про загадку Танцующего Ветра? – спросил Алекс, глядя на просиявшее надеждой лицо Павла.

Тот кивнул:

– Тебя опекают одновременно две такие могущественные организации, как ЦРУ и КГБ. А кто я для агентов Интерпола? Никто! Самый простой, самый заурядный человек, который мечтает о чем? О том, чтобы ему перепало немного солнца, немного любви, ну и, конечно, немного вкусной еды...

– Когда ты последний раз взвешивался? – с ласковой усмешкой перебил его Алекс, окидывая взглядом огромную неповоротливую фигуру друга.

– Это не жир. Это мускулы. Ну и потом, что мне еще делать здесь, в горах? Только есть, и все. А окажись я сейчас на Мартинике, мне бы не пришлось отвечать полицейским ищейкам...

– Интерполу и без тебя есть чем заняться, – перебил его Алекс. Но, вспомнив о последних заголовках, промелькнувших на страницах газет всего мира, нахмурился. – Если, конечно, это не часть какой-то более значительной операции, в которую...

– Часть чего?

Алекс не ответил. Его ум лихорадочно принялся сортировать все имевшиеся у него сведения заново, перетасовывая факты, отбирая нужное и отбрасывая лишнее, чтобы затем соединить разрозненные куски в цельную, законченную картину.

– Ну вот! – сердито вздохнул Павел. – Как только ты начинаешь биться над очередной головоломкой, ты перестаешь видеть и слышать, что творится вокруг. С тобой невозможно разговаривать. Ты просто наркоман! – И он вышел, хлопнув дверью.

Алекс, на секунду отвлекшись, подумал, насколько справедлив в своих упреках Павел. Азарт поиска действительно захватывал его целиком, не давая покоя ни днем, ни ночью

до тех пор, пока не накатывала волна радостного удовлетворения, когда ему удавалось наконец найти разгадку.

Через час Павел вернулся в кабинет и бросил ему на стол листок из блокнота:

– Вот то, что ты хотел узнать. Танцующий Ветер сейчас является собственностью Джонатана Андреаса.

Алекс несколько секунд смотрел на листок с наскоро сделанными беглыми записями, а потом быстро спросил:

– Где он живет?

– Поместье Андреаса находится в Южной Каролине. Он один из самых богатых людей Америки. В штате его работников имеются телохранители, охраняется и дом, к тому же есть специальная система сигнализации.

– Точно так же, как это было и в Лувре, – иронично заметил Алекс, – что, однако, не помешало похитителям вынести «Мону Лизу» из музея. – Он снова взглянул на листок, лежавший перед ним. – А что он сказал насчет Вазаро?

– Это имение расположено во Франции, в окрестностях Грасса. Там выращиваются цветы для парфюмерных фабрик. Семейство Вазаро состоит в родстве, хотя и довольно отдаленном, с Андреасом. Пять лет назад Кэтлин Вазаро, посещавшая в то время лекции в Сорбонне, занялась поиском документов, подтверждающих не только уникальную художественную ценность Танцующего Ветра, но и ту роль, которую он оказал на ход истории. Эта тема впоследствии легла в основу докторской диссертации Андре Божоли. – Павел

помолчал. – Так ты считаешь, что воры сейчас нацелились на Танцующий Ветер?

– Это только предположение.

– Тогда зачем я потратил битый час на бессмысленный звонок в Лувр? Главный хранитель был подозрителен и осторожен, как старая дева.

– Потому что все предметы искусства, о которых мы с тобой говорили, обладают первостепенной значимостью в европейской культуре. «Венера» Тициана в Италии, «Ночной дозор» в Голландии, теперь – «Мона Лиза» во Франции. Если бы Танцующий Ветер находился в Европе, несомненно, наступил бы его черед. – Алекс пожал плечами. – Как жаль, что он оказался в Штатах и похитителям не добраться до него.

– Джонатан Андреас, наверно, придерживается другого мнения.

Алекс усмехнулся. Его голубые глаза оживились, хотя выражение лица по-прежнему оставалось непроницаемым.

– Мне казалось, что полученная информация должна тебя успокоить. Отчего же ты впал в такую мрачную задумчивость?

– Потому что слишком хорошо знаю тебя. Судя по твоим горящим глазам, ты не только нащупал какую-то ниточку, но уже и дернул за ее кончик, – сумрачно проговорил Павел.

– Дело в том, что я жду звонка.

– И от кого же?

– От Ледфорда.

Павел в изумлении уставился на него:

– Боже мой!

– Господь бог не имеет к нему никакого отношения, – едко усмехнулся Алекс. – Скорее уж Люцифер.

– Ты считаешь, что за всем этим стоит Ледфорд? – Павел кивнул на кипы лежащих газет.

– Кое в чем проскальзывает его почерк. Ледфорд всегда склонен был к вычурности, а до того, как его перевели под мое начало, он руководил несколькими операциями Управления, связанными с произведениями искусства.

– Я совсем забыл об этом. – Павел покачал головой, пытаюсь восстановить в памяти детали. – Он сумел выкрасть назад дель Сарто (Андреа дель Сарто (1486–1530) – итальянский художник, представитель школы Высокого Возрождения.), на которого, по требованию террористов, обменяли похищенного ими португальского дипломата в Бразилии, так ведь?

– Это всего лишь один из его подвигов.

– Но ведь все это были операции, проведенные ЦРУ?

– Прежде и я так думал. Теперь нет.

– Тогда кто же стоит за ними?

Алекс задумался на секунду:

– Не исключено, что после звонка Ледфорда мы это и выясним.

Павел прищурил глаза:

– Так вот зачем ты заставил меня связаться с Лувром! Ты не думал, что Танцующий Ветер стоит на очереди. Своим звонком мы напоминаем похитителям о нем.

– Скорее даже указываем. Бросаем им вызов, – усмехнулся Алекс. – Считай, что я бросил им перчатку. Ледфорд давно буквально бредил Танцующим Ветром. Он сразу поймет, что означает мой звонок в Лувр.

– Ты считаешь, что главный хранитель сотрудничает с Ледфордом?

– С ним или с кем-то, кто выкрал «Мону Лизу». В Лувре очень надежная охрана. Но главный смотритель может обойти ее.

– Взятка?

– Не просто взятка. Я бы сказал, за это заплачено целое состояние. Миллионы.

– Но какой смысл тратить такие бешеные деньги? Зачем красть то, что невозможно сбыть? Ни один частный коллекционер не рискнет приобрести столь знаменитое полотно, как «Мона Лиза». Что он станет с ней делать? Не прятать же ее в грязном чулане, подальше от любопытных взоров!

– Верно поставленные вопросы. – Алекс откинулся на спинку кресла. – Тем интереснее получить на них ответы.

– Ледфорд не станет говорить на эту тему по телефону. Он приедет сюда.

– Не исключено.

– Алекс, ты совершил серьезный промах. Если Ледфорд

и в самом деле причастен к кражам, тебе не следовало привлекать к себе его внимание...

– А что тут особенного? Мне ведь уже приходилось иметь с ним дело.

– Тогда вы работали с ним в одной упряжке.

– Он, конечно, подонок. Но не злодей.

– За то время, что вы не виделись, Ледфорд мог сильно измениться и не в лучшую сторону, – возразил Павел. – Мне кажется, ты недооцениваешь его.

Алекс продолжал задумчиво смотреть на страничку блокнота, машинально рисуя на ней непонятные узоры: круги, спирали, стрелки. Он обвел слово «Вазаро», соединив его волнистой линией со словами «Танцующий Ветер», и поставил четыре вопросительных знака рядом с именем Джонатана Андреаса. Он думал о том, что в словах Павла есть рациональное зерно. И все же именно мысль, что Ледфорд может быть каким-то образом связан со всеми этими похищениями, подстегнула его интерес. Их прежние отношения оставили после себя какой-то неприятный осадок, и Алекс хотел избавиться от него. Правда, вполне возможно, что причиной этого неожиданного поступка была обычная скука, нередко заставлявшая Алекса принимать рискованные решения. Но теперь поздно рассуждать. Запал уже горит. Если Ледфорд причастен к этим делам, его уже наверняка известили, что Алекс проявил к ним интерес. Остается только ждать ответного шага.

– Нет! – вырвалось из груди Кэтлин Вазаро, когда она разглядела на горизонте черную полосу. До самого последнего момента она тешила себя надеждой, что сводка погоды окажется неверной. – Только не сегодня! – взмолилась она, обращаясь неизвестно к кому. – Еще один день!

– Кэтлин, что случилось? – услышала она голос матери из кухни, где та накрывала стол к завтраку. – Что-то не так?

– Не так? Мама! Ты понимаешь, что вот-вот разразится буря! А розы еще... – Кэтлин отвернулась от окна и бросилась бегом к входной двери.

– Неужели нельзя сначала позавтракать, – обиженно проговорила мать, появившись в проеме, ведущем в столовую. – Я чуть не целый час возилась на кухне! Что изменится от того, что ты задержишься на несколько минут? – Аккуратно подведенные брови Катрин Вазаро неодобрительно сдвинулись. – Посмотри, какая ты тощая! Одна кожа да кости. И мне опять не удастся усадить тебя за стол. Я так стараюсь приготовить что-нибудь повкуснее... – Лицо ее прояснилось. – Еще ничего не известно. Буря может пройти мимо и не задеть нас!

Уже стоя в дверях, Кэтлин обернулась:

– Мама, ну как так можно! Ты беспокоишься из-за того, что я не позавтракала, и не понимаешь, что произойдет, если хлынет ливень. Ведь розы еще не распустились. Нам надо успеть собрать их до дождя.

Кэтлин только начала успокаиваться, понадеявшись, что

им удастся выполнить заказ фабрики и их дела наконец наладятся. Подсчитав, сколько они выручат после продажи цветов, Кэтлин решила, что им удастся продержаться еще несколько месяцев. И вот, похоже, все ее надежды рухнули.

– Извини, мама. Но я не могу задерживаться ни на секунду. Честное слово!

Сбежав с холма, Кэтлин вихрем помчалась по дороге. Поля роз простирались до самого горизонта. Восходящие лучи солнца падали на еще не раскрывшиеся бутоны, окрашивая их в глубокий темно-красный цвет. И при виде этого живого бархатистого ковра сердце Кэтлин дрогнуло.

Господи! Как же она любила Вазаро! Кэтлин только сейчас с особенной остротой осознала, сколько сил, любви и заботы отдала она этим полям, апельсиновым и оливковым рощам, виноградникам, что сбегали с холмов к дороге. Обычно, когда она шла по тропинке, до нее доносился лишь легкий аромат. Сегодня благоухание роз в знойном, прогретом воздухе, насыщенном дыханием приближающейся грозы, было особенно сильным.

Жак д'Аблер, ее главный помощник, ее правая рука, уже вывел рабочих на поля. Выстроившись вдоль грядок, они быстро продвигались вперед.

На рассвете он всматривался в горизонт с такой же тревогой, что и Кэтлин. И начал действовать, как только заметил грозные признаки надвигающейся бури. Когда запыхавшаяся Кэтлин добежала до поля, Жак, широко расставив ноги,

стоял в кузове прицепа старенького, выдавшего виды пикапа. Он передавал рабочим огромные корзины из ивовых прутьев для сбора цветов, отпуская четкие, короткие команды, словно капитан со своего мостика.

– Плохи наши дела, – спокойно проговорил он, увидев подбежавшую Кэтлин.

– Не смей так говорить! Мы успеем! Мы должны успеть! – В ее серо-зеленых глазах вспыхнул огонь решимости. – Ты уже попросил, чтобы из школы прислали детей?

– Конечно. – И Жак указал на детей, что шли рядом со своими родителями между рядами роз.

– Извини. – Кэтлин встряхнула головой. – Разумеется, ты предусмотрел и сделал все возможное.

– Я так надеялся, что сводка окажется ошибочной.

– И я тоже. – Кэтлин еще раз взглянула на темную полоску. – Как ты думаешь, сколько часов осталось в нашем распоряжении?

Жак пожал плечами:

– Тучи, похоже, надвигаются не очень быстро... Часа два, если повезет...

– Скорее, не больше часа. – Кэтлин посмотрела на работников, которые быстро двигались вдоль рядов. Опытные, ловкие руки с лихорадочной быстротой срывали бутоны, точным движением отправляя их в корзины.

И невольно она почувствовала прилив гордости за этих людей.

– При такой работе они управятся за час.

– Кому, как не им, знать, что означает для тебя потеря урожая. Это наши люди, Кэтлин.

– Да, это наши люди.

Кэтлин подхватила пустую корзину и коротко бросила через плечо Жаку:

– Когда придут рабочие с фермы, оставь двоих себе в помощь. Иначе тебе не управиться... – И, пробежав по рядам, остановилась на не занятой грядке.

Шестилетний Гастон, который стремглав несся мимо с пустой корзиной, на миг задержался рядом с ней. Его маленькое личико сияло от возбуждения.

– Кэтлин, нас забрали с уроков!

– Знаю, Гастон. Нам надо успеть собрать розы до дождя.

– Я соберу больше всех! Вот увидишь. – И он побежал дальше, к своей матери.

Склонившись над кустами, Кэтлин запретила себе то и дело поднимать голову и смотреть на темнеющий горизонт. Едва успев сорвать один бутон, она уже тянулась к другому.

Постепенно воздух стал более плотным и влажным.

Обычно сбор цветов сопровождался веселой болтовней, шутками. Сегодня даже дети работали молча и сосредоточенно.

Где же, черт побери, рабочие с фермы?

Жак шел по рядам, заменяя полные корзины пустыми.

– Кэтлин!

Кэтлин подняла голову и увидела мать, стоявшую рядом со смущенной улыбкой на губах.

– Кажется, я огорчила тебя сегодня утром. И пришла за-
гладить свою вину. От меня, конечно, не так уж много поль-
зы, но и мои руки могут пригодиться. Можно, я буду соби-
рать в твою корзину?

Впервые с того момента, как Кэтлин увидела грозовую по-
лоску на горизонте, на губах ее появилось нечто напомина-
ющее улыбку.

Катрин стояла перед ней в своих белых брючках от Диора
и в тонкой шелковой блузке. Волосы ее, как обычно, были
тщательно уложены. Ногти покрывал лак модного оттенка.
Самое правильное было бы отправить мать домой. Но у Кэт-
лин язык не повернулся отказать ей.

– В детстве я тоже собирала цветы, – добавила Катрин, и
на лице ее появилось просительное выражение.

– Ну конечно, мама. Еще одна пара рук нам не помешает.
Катрин радостно улыбнулась и принялась неожиданно
точными движениями срывать цветы и бросать их в корзину
Кэтлин.

– Как тут хорошо, правда? Я помню, как отец сажал ме-
ня к себе на плечи и нес через поля. Жаль, что тебе не до-
велось видеть своего деда. Он был такой высокий. И очень
веселый...

Порыв холодного ветра пробежал по полю. Кэтлин подня-
ла голову, уже не слыша того, о чем говорила мать.

Темные тучи стремительно надвигались, готовые разразиться дождем.

Жак остановился рядом с Кэтлин и опорожнил ее корзину.

– Моне не отпустил своих рабочих. У них расцвела лаванда. Все заняты ее сбором.

– Черт подери!

Новый сильный порыв ветра качнул головки цветов.

– У нас есть минут пятнадцать? – спросила Кэтлин, прикусив нижнюю губу.

– Десять, – коротко ответил Жак и зашагал дальше. Десять минут. А они собрали лишь четверть урожая!

Слезы подступили к глазам, но, не давая отчаянию захлестнуть себя, она как автомат шагнула к следующему кусту. Секунды летели за секундами. И падающие в корзину бутоны, как песчинки в песочных часах, отмеряли время.

Порывы влажного ветра, насыщенного густым ароматом роз, становились все свирепее. Солнце скрылось за тучами. Только странное золотистое свечение, предвещавшее бурю, застыло над полем.

Первый тяжелый раскат грома прокатился по небу.

Кэтлин продолжала идти вперед. Крупные капли ударили ее по спине. Но она все срывала и срывала бутоны, не в силах остановиться.

Редкие удары капель перешли в непрерывную дробь.

– Кэтлин! – в голосе Жака слышалось участие. – Заканчи-

вай! Давай мне свою корзину.

Кэтлин с неммым протестом посмотрела на него.

Золотистая дымка над полем рассеялась. Все погрузилось во мрак. Ветер трепал тронутые проседью волосы Жака. Его рубашка липла к телу, отчетливо прорисовывая каждый мускул.

– Идем, Кэтлин. Ты же знаешь, никто не уйдет с поля, пока ты здесь.

Кэтлин оглядела сборщиков, стоявших у своих грядок. Если она останется здесь, они тоже будут работать, несмотря на дождь. А кому нужны побитые, поломанные ветром и пропитанные дождем розы? Ничего не поделаешь. Надо смириться с неизбежным. Кэтлин выпрямилась.

– Берите корзины! – скомандовала она, пытаясь перекрыть раскаты грома. – Мы сделали все, что могли. Спасибо всем!

Мужчины, женщины и дети побежали по рядам, чтобы забросить в кузов то, что успели собрать в последние минуты. А потом они бегом припустились в сторону деревни, лежавшей за холмом.

– Как хорошо мы потрудились, правда? – спросила мать, глядя на пикап.

Наивный вопрос! Катрин и понятия не имела, сколько им не удалось добрать сегодня.

– Пожалуйста, Кэтлин, прибавь шагу! Я не догадалась взять зонт. Теперь придется завтра снова ехать к парикмахе-

ру в Канны.

Кэтлин смотрела, как Жак закрепляет брезент над кузовом пикапа.

– Иди домой, мама. Я поеду с Жаком на склад.

– Ну как хочешь! – Катрин зябко передернула плечами. – Ненавижу слякоть и дождь. Если и в самом деле существует такая вещь, как второе рождение, то я хотела бы родиться персидской кошкой... Скажи, я хоть немного помогла тебе?

Кэтлин через силу улыбнулась:

– Ну конечно, мама. Ты даже не представляешь, как ты поддержала меня. Иди, переоденься побыстрее. Мне совсем не хочется, чтобы ты простудилась.

Катрин кивнула:

– Хорошо. И ты тоже не задерживайся. Я приготовлю чего-нибудь горячего. – И она заторопилась к дому, ступая по земле мягко и грациозно, как та самая персидская кошка, с которой она только что сравнила себя.

Жак, закончив натягивать брезент, спрыгнул с прицепа.

– Не так плохо, как могло быть.

Дождь бушевал уже вовсю. Кэтлин обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на свои розы. Неистовые порывы ветра с корнем выворачивали кусты, прибывая к земле хрупкие головки цветов. Как ни крепилась Кэтлин, но она не могла подавить ощущения страшной потери. Нежная и беззащитная красота гибла у нее на глазах. Красота, которая вошла в ее плоть и кровь, стала частицей ее самой.

– Едем? – спросил Жак, забираясь в кабину.

– Ты справишься и без меня. Я спрячусь под навесом.

Его взгляд задержался на высокой тонкой фигуре девушки. Мокрая от дождя рубашка и джинсы прилипли к телу. Глаза Кэтлин переполняли боль и печаль.

И Жак не стал возражать, понимая, что это бесполезно. Как бесполезны были и слова утешения.

– Если удастся выпустить в продажу твои духи, то мы сумеем покрыть потери, – участливо улыбнулся он. Полоска неровных зубов на загорелом морщинистом лице казалась особенно белой. – Ну а на следующий год мы можем получить еще больший урожай.

Но они оба знали, что большинство кустов после бури погибнет безвозвратно. Придется сажать новые. Что же касается духов, то откуда она теперь возьмет деньги, чтобы протолкнуть их на рынок? Деньги, которые они выручат после продажи, все до последнего франка уйдут на восстановление потерянного. И все же Жак не хочет сдаваться. Не станет опускать руки и она. Им уже приходилось не раз за эти годы терпеть поражение и снова подниматься на ноги. Это всего лишь очередная из проигранных ими битв. Кэтлин кивнула ему в ответ:

– Да, если мы сможем продать духи, то нам удастся заштопать прорехи... – И она отступила на обочину дороги.

Машина, фырча, начала взбираться вверх по холму к каменному складу, а Кэтлин направилась под навес, что стоял

на склоне. Она села прямо на промокшую траву и, подтянув к подбородку колени, обхватила их руками. Буря продолжала бесчинствовать, с невероятной жестокостью расшвыривая кусты, обрывая бутоны, смешивая их с грязью. И мутные потоки уносили их вниз, к дороге.

Буря свирепствовала еще с час. Но только после обеда дождь наконец прекратился. Слабое водянисто-лимонное солнце выглянуло из редяющих облаков. Кэтлин, не чувствуя ног, поднялась. Почти половина кустов на полях погибла у нее на глазах.

Но Вазаро всякий раз, несмотря на все обрушивавшиеся на него несчастья, возрождалось. Земля всякий раз набирала соки и оживала вновь и вновь.

Кэтлин наклонилась и набрала в ладонь горсть земли: еще влажной, холодной и все равно... полной жизни. И внезапно она с особенной силой ощутила покой и уверенность, что источала земля, врачая свежую рану в ее душе. Все будет хорошо. Она справится и с этой напастью. Просто надо стать такой же сильной и негнибаемой, как само Вазаро.

Пальцы ее крепко сжали пригоршню земли.

Это и есть жизнь. Ее жизнь.

– Он здесь, Алекс. – Павел распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская Брайэна Ледфорда в кабинет. – Я тебе нужен?

– Мы вполне сможем обойтись и без тебя, – небрежно бросил Ледфорд, на ходу расстегивая свое роскошное пальто с

бобровым воротником.

Павел, не обращая внимания на слова Ледфорда, обратился к другу:

– Алекс?

Тот в ответ покачал головой.

Павел помедлил немного, хмуро посмотрев на Ледфорда, потом пожал плечами и закрыл за собой дверь.

– До чего осторожен, черт! Я и представить себе не мог, что он так печется о тебе. – Ледфорд сбросил пальто на коричневое кожаное кресло и остался в дорогом сером твидовом костюме. – Мой бог! Ну и холодище. Надеюсь, ты оценил мою самоотверженность: выбраться из дома ради тебя в такую непогоду! – Он снял серые кожаные перчатки и размотал голубой кашемировый шарф.

Алекс сразу отметил, как сильно изменился Ледфорд за те пять лет, что они не виделись. И дело было не только в дорогой элегантной одежде. Короткие вьющиеся волосы покрылись проседью, фигура несколько отяжелела, но резкие черты лица оставались все теми же, и веселая усмешка по-прежнему таилась в его светло-карих глазах.

Голос Ледфорда раскатисто загудел в кабинете:

– Ах, мой мальчик! Как я рад снова видеть тебя. Признаюсь сразу: я был не прав, когда мы с тобой говорили по телефону прошлой ночью, и я совершенно напрасно начал злиться. Глупо позволять случайным размолвкам бросать тень на нашу давнюю дружбу.

Он улыбнулся и опустил в глубокое кресло, в то время как Алекс остался стоять напротив него у окна. Скрестив вытянутые ноги, Ледфорд положил к себе на колени серые перчатки.

– Иной раз я не без грусти вспоминал про те деньки в Виргинии и про наши шахматные баталии...

На мгновение Алекс почувствовал, что снова оказался под магическим обаянием Ледфорда, но ему удалось быстро взять себя в руки.

– Боюсь, что не могу сказать о себе того же. Мне ни разу не хотелось вернуть те деньки.

Ледфорд отбросил в сторону кашемировый шарф:

– Чувствую, что ты не в духе. Ну хорошо. Тогда давай сразу перейдем к делу. Что тебе известно?

– Ты один из шайки похитителей произведений искусства. Скорее всего, это хорошо организованное и щедро финансируемое предприятие. – Алекс слегка улыбнулся. – Кражи – лишь составная часть какого-то более грандиозного плана.

Ледфорд одобрительно кивнул:

– Что еще?

Алекс помедлил и, глядя на Ледфорда в упор, отчеканил:

– «Черная Медина».

Ледфорд откинул назад голову и рассмеялся:

– Bravo, Алекс! Впрочем, именно этого я и ожидал. Ты один из немногих, кто способен сопоставить разрозненные факты и заметить между ними связь. Уже после наших пер-

вых операций я предупредил своего напарника, что ты можешь быть для нас опасен. – Ледфорд покачал головой. – Он не поверил мне.

Алекс почувствовал, как в нем поднимается волна радостного возбуждения. Он попал в самое яблочко, угадав, что эта связь существует:

– Напарник? Стало быть, речь идет не о ЦРУ?

– Я ушел оттуда вскоре после того, как ты хлопнул дверью. И вот теперь занимаюсь более прибыльным делом. – Он оценивающим взглядом обвел кабинет. – Великолепное местечко, Алекс. Как всегда, превосходный вкус. Меня особенно восхитил Ван Гог в холле... Именно что-то в этом роде я и ожидал увидеть. Уединенный домик в горах. Строгость и законченность. Но в отделке и фактуре проглядывает скрытая чувственность. Ты более всего напоминаешь мне человека эпохи Возрождения. – Он пробежал взглядом по книгам на полках. – Замечательная библиотека.

– Разумеется.

Ледфорд кивнул:

– Аналитический мозг нуждается в постоянном притоке свежей информации. Хорошо помню, как ты за несколько минут проглатывал все книги, что поступали к тебе, когда мы еще вместе сотрудничали. – Он посмотрел прямо в глаза Алексу: – Мы ведь был и добрыми друзьями, не так ли, Алекс? Ты любил меня!

– Я был доверчив, поскольку находился в том возрасте,

когда хочется верить во всех и вся. – Алекс наклонил голову в знак согласия. – Да, мы были друзьями.

– Рад, что ты признал это. С тех пор как наши пути разошлись, я стал еще интереснее. То время, которое я провел в ЦРУ, послужило мне хорошей тренировкой. И теперь я в расцвете своих сил и способностей.

– Если бы дело обстояло таким образом, тебя бы не было здесь. Ты все еще предсказуем, Ледфорд.

– Только для тебя. У всех людей своя судьба. Моя судьба – ты. – Он улыбнулся. – Я могу выпить?

– Нет.

Ледфорд прищелкнул пальцами:

– Другого ответа я и не ждал. Ты тоже предсказуем. Ты не подашь вина врагу в собственном доме. Порой в тебе проscalъзывает нечто средневековое.

Алекс усмехнулся:

– Сначала Возрождение, теперь Средневековье. Выбери что-нибудь одно. Будь более последовательным, Ледфорд.

– Я прав в обоих случаях. Ты столь же блестящий человек и столь же безжалостный, как все эти пресловутые Медичи. И в то же время ты следуешь своему кодексу чести... – Он покачал головой. – Это накладывает известные ограничения. А по-настоящему честолюбивому человеку трудно удерживаться в строгих рамках. До сих пор не могу понять, как тебе удалось, несмотря на то что у тебя связаны руки, так высоко забраться. – Он вскинул брови. – И к тому же ты идешь

неверным курсом.

– Может быть, ты просветишь меня насчет того, что можно считать правильным курсом?

Ледфорд издал непонятный звук – то ли засмеялся, то ли поперхнулся.

– Оставь иронию. Я все еще лелею надежду, что нам удастся сохранить дружеский тон в нашей беседе. – Он выпрямился в кресле. – Идти верным курсом – значит уметь приспособливаться. Менять окраску в зависимости от того, в какой среде ты оказался.

– Некоторые называют это лицемерием.

– Только круглые дураки. А ты не дурак, хотя и тебе случается совершать промашки.

– На что ты намекаешь?

– Взять хотя бы этот звонок Павла в Лувр. Тем самым ты сразу засветился. Сначала я пришел в ярость, а потом даже обрадовался, что ты решил взяться за это дело. Мои чувства к тебе всегда были довольно противоречивыми. – Он склонил голову, внимательно глядя на Алекса, как бы изучая его. – Тебе известно, какой ты красивый мужчина? Одно время я просто с ума сходил по тебе. – Увидев изумление в глазах Алекса, Ледфорд усмехнулся и стукнул себя по коленке. – Это покорило тебя? Боже мой! Неужели ты не догадывался?

– Нет.

Ледфорд покачал головой:

– Там подобрали такой здоровый мужской коллектив: один неверный шаг, и меня бы с треском выперли оттуда. Приходилось приспосабливаться.

– И очень ловко.

– Но ты был истинным искушением для меня. Ты будоражил мою чувственность, а утолить жажду я не мог. Ты подавлял меня и своим интеллектом. – Улыбка сошла с лица Ледфорда. – Вот почему я начал ненавидеть тебя.

Алекс облокотился о подоконник:

– А не из-за того, что постоянно проигрывал в шахматных баталиях?

– И из-за этого тоже. Ненавижу проигрывать. Это задевает мою гордость. Мне нечего было противопоставить твоим талантам. – Ледфорд нахмурился. – Но я приспособился. И стал твоим добрым приятелем.

– Который следил за каждым моим шагом, – бесстрастно добавил Алекс.

– Кому-то все равно пришлось бы выполнять эту работу. Но все накопленные сведения так и остались неиспользованными. Они ждут своего часа. Никто лучше меня не представляет, какого масштаба талантами ты наделен, поэтому я всегда ждал, когда же ты по-настоящему развернешься, когда снимешь ногу с тормоза. И этот твой внезапный уход после афганской кампании... – Вспышка гнева промелькнула на его лице. – Когда ты хлопнул дверью, это весьма болезненно отозвалось на мне. Думаю, это Павел рассказал тебе

обо всем?

– Да.

– В свое время я возражал против того, чтобы Павла приняли в Управление.

– Без него я не согласился бы работать...

– Ах, дружба... Как это прекрасно. – Ледфорд улыбнулся. – И как долго она длится?

– Тринадцать лет. Мы познакомились в спецназе, как тебе, должно быть, известно не хуже меня. – Алекс отвернулся от окна и посмотрел на Ледфорда. – А ты так и не научился ценить достоинства настоящей дружбы?

– Нет. И пришел только для того, чтобы предупредить тебя: держись от этого дела подальше, Алекс! Ты и представить себе не можешь размаха всей операции. – Ледфорд выпрямился. – Сиди в своих горах и развлекайся решением своих головоломок. Настоящий мир принадлежит тем, кто умеет действовать.

– Это пожелание твоего «напарника»?

Взгляд Ледфорда похолодел.

– Нет. Ему хотелось, чтобы мы достигли соглашения. Он считает, что ты представляешь большую ценность как сотрудник, и не прочь заполучить тебя, – его голос стал вкрадчиво-шелковистым. – Но я не желаю этого. Тебе не удастся снова отгеснить меня во второй эшелон.

– Какая жалость, – поддразнивая Ледфорда, сказал Алекс. – Ты там казался на своем месте.

– Возможно, ты не совсем понимаешь, о чем идет речь. После того как ты ушел из Управления, все, над чем я работал пятнадцать лет, рухнуло. Мне пришлось снова идти на поклон к МакМиллану и начинать сначала. – Кровь прилила к щекам Ледфорда. – Они вышвырнули меня, поскольку я оказался недостаточно сообразительным и не понял, чем ты занимаешься. Одно время я мечтал только об одном: как бы втоптать тебя в грязь, как ты втоптал меня. – Ледфорд не сводил глаз с лица Алекса. – Ты так и не смог понять, почему меня обуревают страсть к Танцующему Ветру?

– Это уникальное произведение искусства...

– Но что более важно – символ высшей власти. В тот момент, когда я осознал этот факт, то понял – вот мой путеводный маяк. Вот кто приведет меня на ту вершину, которой я заслуживаю.

– Иллюзия славы.

– Не иллюзия. А сама суть. Ты уже получил, что хотел. Деньги, безопасность, женщин. Почему ты не хочешь остановиться на достигнутом?

– Потому что таким образом мне удастся развеять скуку, которая иной раз одолевает меня в столь уединенном месте.

Ледфорд кивнул, подхватывая на лету:

– Да, помню. Тебя всегда одолевала скука. Скука и любопытство. А ты не забыл детскую сказочку о любопытной кошке? Насколько я помню, у нее печальный конец. – Он взглянул на часы и улыбнулся. – Ну, мне пора. Рад был по-

видаться с тобой и вспомнить добрые старые времена.

Алекс холодно кивнул:

– Уходишь?

– Шофер и двое моих людей ожидают в гостиной. Мне надо попасть в аэропорт, пока погода не испортилась. – Ледфорд надел пальто. – Я знал, что моя поездка ничего не даст. Тебя невозможно переубедить. А я слишком занятой человек, чтобы зря тратить время.

– Торопишься украсть еще одну «Мону Лизу»?

– Мы оба знаем, что есть только одна «Мона Лиза». – Он натянул кожаные перчатки. – Так же, как и то, что существует только один Алекс Каразов.

Алекс иронически склонил голову:

– Я ожидал оскорблений и упреков.

– Как я уже тебе признавался, мои чувства достаточно противоречивы. И пересиливает то одно, то другое.

Ледфорд неторопливо натягивал перчатки, явно наслаждаясь прикосновениями мягкой, хорошо выделанной кожи к своим ладоням.

– Но я не хочу, чтобы наши пути пересеклись в той области, где сейчас главенствую я. Поэтому я заранее хочу отбить у тебя охоту ненароком перейти на ту сторону.

– Каким образом?

– Я предпочитаю, чтобы ты выступил против меня как враг, а не как сподвижник. О, я знаю, что в данный момент не могу ничего предпринять против тебя, даже пальцем при-

коснуться. До чего же ты умно поступил, получив прикрытие сразу от двух таких мощных организаций, как ЦРУ и КГБ. У нас пока нет желания привлекать их внимание к нашим делам. – Его улыбка стала еще лучезарнее. – Кстати, а ты знал, что эта итальяночка, с которой ты крутил, – ласточка из КГБ?

– Почему же нет? Предполагал. Но не исключал и то, что она из ЦРУ, – ответил Алекс без всякого выражения. – Ее служебные дела никак не отражались на нашей связи.

Ледфорд кивнул:

– Ты всегда был достаточно циничным, когда речь заходила о женщинах. – Он взял кашемировый шарф и стремительно шагнул к двери. – Но все же у меня была слабая надежда, что ты испытываешь к ней некоторые чувства. Почему бы тебе не позвонить ей?

– Это угроза? – Плечи Алекса сразу напряглись.

– Нет. Всего лишь совет. – Ледфорд посмотрел на Алекса. – Тебе все еще трудно понять, каким я стал сейчас. Ты воспринимаешь меня таким, каким я был пять лет назад. Так вот. Моя стажировка закончилась. Очень скоро я выйду на другой уровень. До свидания, Алекс. Был рад немного поболтать с тобой. И, надеюсь, ты все-таки не станешь вынуждать меня навещать тебя во второй раз.

Алекс почувствовал, как холодок пополз вдоль лопаток, когда закрылась дверь за Ледфордом. То, что его последняя фраза была угрозой, он нисколько не сомневался. И он

не случайно упомянул об Анжеле. Павел оказался прав. Он недооценил Ледфорда.

Боже мой! Остается только надеяться на то, что он не слишком поздно спохватился. Алекс кинулся к телефону и начал набирать номер ее квартиры в Риме.

Ответа не было.

Он прислушивался к гудкам на другом конце линии и чувствовал, как в нем нарастает паника. Ничего необычного в том, что она не подошла сразу, не было. Анжела могла еще не вернуться или развлекалась с кем-нибудь.

– Алло? – нетерпеливо спросила она наконец. Невероятное облегчение охватило его.

– Анжела. Оставайся дома. Никому не открывай дверь. Если в комнате кто-то есть, постарайся избавиться от него.

– Алекс...

– Не спорь! Делай, что я говорю. – Он помолчал. – А еще лучше позвони человеку, через которого ты связываешься с КГБ, и попроси, чтобы тебя перевели куда-нибудь подальше из Европы. Здешний климат вреден для твоего здоровья.

Секунду она молчала.

– Так ты все знаешь? Алекс, тебе лично я не хотела причинять вреда. Это просто работа. Ты мне по-настоящему нравишься.

– Да, понимаю. Это работа. – И он повесил трубку. Его первоначальное облегчение сменилось чувством вины и отворачивания к самому себе. Он просто развлекался, чтобы

разогнать скуку, и настолько увлекся этой чертовой головоломкой, что наговорил Ледфорду колкостей. Теперь игра велась всерьез. Ледфорд может убить женщину только затем, чтобы Алекс ни при каких обстоятельствах не согласился сотрудничать с его «напарником». Но с Анжелой ничего не случилось.

Алекс закрыл глаза, пытаясь соединить разрозненные кусочки.

Зачем бы Ледфорд стал попусту угрожать? Только чтобы быть уверенным, что сразу после его ухода Алекс кинется к телефону и начнет звонить в Рим.

«Я оставил шофера и двух моих людей в гостиной...»

Догадка молнией пронзила его.

Кто был тот единственный в мире человек, чья смерть заставила бы Алекса навеки проклясть организацию, к которой принадлежал Ледфорд?

– Павел! – закричал он и бросился к двери. – Павел, где ты, черт тебя дери!

И в следующее мгновение он увидел голубой кашемировый шарф, затянутый на шее Павла.

Он сидел, привязанный к креслу, с кляпом во рту, с глазами, выкатившимися из орбит. Черты лица его были искажены судорогой страдания;

Сначала его кастрировали. А потом вспороли живот до самой грудины ножом для разделки мяса. Этот нож так и остался торчать в груди Павла.

2

– Кэтлин, какой-то мужчина спрашивает тебя. – Жак встал рядом с ней, придерживая куст, пока она осторожно утрамбовывала землю возле корней. – Он ждет тебя на холме.

– Кто-то из банковских служащих? – насторожилась она.

– Не похоже. – Жак пожал плечами.

Она посмотрела через плечо на человека, что стоял на холме. Но увидела лишь темный силуэт на фоне заходящего солнца.

– Может быть, продавец удобрений? – Она вытерла пот рукавом голубой хлопчатобумажной блузки. – Ты что, не мог избавиться от него?

Жак покачал головой:

– Попытался. Но он заявил, что не уйдет, пока не поговорит с тобой. – Он усмехнулся. – Сомневаюсь, что он торгует удобрениями. Судя по тому, что он прикатил на белом «Ламборгини» последней модели...

– Черт! Значит, все-таки кто-то из банка.

– Пойди и узнай, чего он хочет. Я сам посажу остальные кусты. Тебе не мешает небольшая передышка.

– Как и тебе, – ответила Кэтлин и с трудом выпрямилась. От усталости ломило плечи и спину, и она удивилась, что не чувствовала боли до сих пор. Они вышли в поле на заре. – Я

вернусь через несколько минут.

– Все равно скоро стемнеет. Отправляйся домой. Завтра с утра приступим снова.

Кэтлин упрямо покачала головой, вытирая руки о джинсы:

– Завтра и без того будет много дел... Как его зовут? – хмуро спросила она, глядя на темный силуэт незнакомца.

– Алекс Каразов, – ответил Жак. Она нахмурилась еще сильнее:

– Что-то не припомню такого. Едва ли мы с ним встречались.

– Если бы ты хоть раз его видела, то не забыла бы.

Она поняла, что имел в виду Жак, когда подошла ближе. Алексу Каразову на вид было лет тридцать пять – мужчина в расцвете сил, со спортивной фигурой и красивым ровным загаром человека, который проводит большую часть времени либо на пляже в Антибах, либо на горнолыжном курорте в Альпах. Кэтлин сразу насторожилась, он чем-то напомнил ей отца. Правда, темные волосы Дени Ридо, каким он запомнился ей, уже тронула легкая седина, но улыбка была такой же обаятельной, а манера одеваться и держать себя отличались непринужденной элегантностью.

Правда, подойдя ближе, она отметила также и умный, цепкий взгляд пронзительных голубых глаз. Во всем облике незнакомца ощущалась сила и уверенность в себе.

Еще бы ему не быть уверенным, подумала Кэтлин, один

только его пиджак стоил столько же, сколько весь ее гардероб. Не говоря уже о роскошном спортивном автомобиле, который он припарковал неподалеку от дома. И все же было в этом человеке что-то такое, что выгодно отличало его от золотой молодежи, знакомой Кэтлин еще по годам учения в университете. За безмятежным видом и вежливой улыбкой угадывалась скрытая глубина и мощь.

– Я Кэтлин Вазаро, месье Каразов. – Она собралась было протянуть ему руку, но вовремя спохватилась: – Простите, у меня руки в земле. Насколько я поняла, вы хотите поговорить со мной?

Он ответил не сразу, внимательно рассматривая ее:

– И часто вам приходится работать в поле, как самому обычному поденщику?

– Люди в Вазаро не обычные поденщики. Все они любят свое дело. Все связаны с поместьем давними узами. И мне в самом деле нередко приходится выходить в поле имеее с ними.

– Не обижайтесь. Просто меня удивило, что хозяйка поместья сама копается в земле. Вы что-то сажали, если я не ошибаюсь?

Его французский был безукоризненным. И все же Кэтлин, угадав легкий акцент – то ли американский, то ли английский, – непроизвольно перешла на английский:

– Розы. В прошлом месяце была сильная буря. И теперь нам приходится восстанавливать то, что погибло.

– А разве можно высаживать розы в это время года?

Акцент сохранился и в английском, хотя он говорил на нем еще более бегло, чем по-французски.

– Обычно посадки производят в январе или ноябре. Но у нас довольно ровная погода и можно... – Она остановилась и, перебив себя, нетерпеливо спросила: – Мне кажется, что вас на самом деле не интересует сезон посадки. Чем могу быть полезна?

– Вы не правы. Меня живо интересует все, что имеет отношение к Вазаро. Я собираюсь вложить деньги в какое-нибудь местное предприятие. И может статься, что мы с вами окажемся полезны друг другу.

– Прошу прощения, я не совсем поняла... – растерялась Кэтлин.

– Все очень просто. У меня есть деньги, которые я хочу вложить в дело. А у вас есть проект, для реализации которого как раз требуется большая сумма.

Она подозрительно нахмурилась:

– Что вы имеете в виду?

– Вы собираетесь выпускать духи. И уже не раз обращались в самые разные банки в Каннах, чтобы они выдали вам нужную ссуду.

– И везде получила отказ...

– Потому что дело это в известном смысле рискованное.

– Вам уже приходилось этим заниматься?

– Нет. Но я потратил почти неделю и посетил большин-

ство сортировочно-упаковочных фирм в Париже. Два дня я знакомился с рекламными агентствами, которые занимались продажей духов «Наваждение». И еще неделя у меня ушла на то, чтобы побывать у ваших соседей на юге, где выращивают розы и жасмин для «Шанель номер пять». Конечно, малова-то, чтобы стать знатоком в этой области, – заметил он мимоходом. – Но я умею взвешивать все «за» и «против» и быстро разбираюсь в тонкостях того, чем начинаю заниматься.

– Вы играете на бирже?

– Приходилось. – Он приподнял брови. – Странно. Такое впечатление, что вы как будто не очень-то обрадовались моему предложению.

Она с сомнением покачала головой:

– Вы не даёте мне времени опомниться. Но что-то тут не так. Словно в сказке. Вдруг появляется некто и ни с того ни с сего предлагает деньги... Так в жизни не бывает. Судя по всему, вы беседовали с нашими банкирами, и вам должно быть известно, что Вазаро заложено.

– Да нет. Банкиры в Каннах не болтливы. Я добыл эту информацию из других источников. Оттуда же мне стало известно, что вы задерживаете выплаты по закладной. – Он усмехнулся. – Звучит как в старинной мелодраме.

– Боюсь, что не улавливаю весь юмор данной ситуации, – сухо сказала Кэтлин. – Но если продолжать в этом же духе, то себе вы, наверное, отводите роль опереточного злодея?

– Вот, значит, каким образом вы воспринимаете мое пред-

ложение. – Взгляд Алекса скользнул по Жаку, который все еще продолжал работать в поле, и снова вернулся к Кэтлин. – Я не требую, чтобы вы, закрыв глаза, немедленно соглашались сотрудничать со мной. Было бы глупо надеяться, что деловая женщина пойдет на это.

– Верно.

– Тогда давайте перейдем сразу к сути. Я намерен вложить деньги в рекламную кампанию, которую собираюсь развернуть в полную силу своих возможностей. Взамен я хочу получить двадцать пять процентов от прибыли с продажи духов в течение первых пяти лет. Согласны?

– Нет. – У нее перехватило дыхание. – Мне надо все обдумать. Я не могу решить сразу... Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что-то тут не так.

– Но что? Я просто хочу, чтобы вы позволили моим деньгам работать на нас обоих.

– Я понятия не имею, кто вы. В то время как вы очень хорошо осведомлены о всех наших делах. Естественно, возникает сомнение, зачем вам вкладывать капитал в мой проект? А вдруг вы занимаетесь какими-то незаконными операциями и теперь решили отмыть свои деньги. Например, вы нажили деньги на продаже наркотиков...

Он расхохотался:

– Существуют более простые способы отбивать дурной запах у неправедных доходов, для этого не обязательно вкладывать их в дорогостоящее и рискованное производство ду-

ХОВ.

– Вы говорите с большим знанием дела. Чувствуется, что вы знаете толк в этом.

– Уверяю вас, мои деньги ничем не пахнут. Я пишу романы. – Он вынул визитную карточку из кармана пиджака. – Деньги на рекламу я сниму со своего счета в женевском банке. – Следом за карточкой он вынул ручку с золотым пером и быстро написал ряд цифр. – Позвоните по этому номеру и спросите месье Ганоля – вице-президента банка. Он ответит вам, правда ли, что деньги на мой счет переведены прямым издательством в Нью-Йорке.

Кэтлин взяла карточку, стараясь унять дрожь в пальцах. Может быть, этот Каразов и в самом деле просто не знает, чем ему заняться. И она совершит непростительную глупость, упустив удачу, что сама приплыла к ней в руки. Но с другой стороны, трудно понять, чего он хочет на самом деле. Вдруг это какая-то ловушка, и она поступает опрометчиво, согласившись вообще разговаривать с ним.

– Двадцать пять процентов – слишком много! – заявила она.

– Либо вы принимаете мое предложение, либо мы расходимся. Семьдесят пять процентов дохода при успешном ведении дел – это лучше, чем ничего. Если вы откажетесь, то потеряете и Вазаро, и надежду выпустить духи. – Он помолчал. – Чтобы вам проще было решиться, я согласен дать вам двести тысяч долларов займа. Этого не хватит, чтобы окон-

чательно расплатиться по закладной, но зато избавит вас от волнений и беспокойства до того момента, пока на ваш счет не начнут поступать деньги от продажи духов.

Волна восторга захлестнула Кэтлин. Она спасет Вазаро!

– Вы серьезно? – почти прошептала она. Алекс кивнул, не отрывая взгляда от ее лица:

– Позвоните в банк и проверьте. После этого мы приступим к обсуждению частных дел.

– Я так и сделаю. – От волнения ей трудно было говорить. – Не хотите ли пройти в дом, познакомиться с мамой? Официальная владелица Вазаро – именно она, и на бумагах должна стоять ее подпись.

– Я так и понял. А по сути, все решаете вы.

Кэтлин кивнула:

– Мама не любит вникать в такие вопросы. Она предпочитает, чтобы все решалось само собой. Идемте, – сказала она и почти бегом направилась к двухэтажному каменному особняку, находившемуся неподалеку.

Подходя к дому, Кэтлин обеспокоено думала о том, не слишком ли враждебно она встретила Каразова. Спасение было так близко! Она никогда не простит себе, если упустит такой счастливый случай. Но тут сомнения снова начали одолевать ее, и она резко обернулась к Каразову:

– Почему вы решили вложить деньги именно в парфюмерию? И почему именно Вазаро?

Он помедлил. Легкая тень враждебности промелькнула в

его глазах. Но почти тотчас же на губах снова заиграла улыбка.

– Сначала я и представления не имел о таком поместье. Но в тех книгах, что попались мне в руки, упоминалось Вазаро. И чем больше я узнавал про парфюмерное дело, тем больше осознавал, какие возможности таятся здесь. Если с выгодой продать духи, то доходы могут быть просто астрономические.

– Для вас успех – это главное?

Он кивнул.

– А зачем, как вы полагаете, я бы поехал сюда? Земля здесь необыкновенно плодородная. Вы находитесь на грани разорения. Не требуется особой смекалки, чтобы сделать соответствующие выводы. При желании я мог бы, пользуясь таким удобным моментом, даже прибрать к рукам вашу собственность. Но я писатель, а не фермер. – Он помолчал. – Поверьте мне, я не ищу легкой наживы. Меня интересуют только доходы от хорошо налаженного дела. Не вижу ничего странного и нелогичного в своем стремлении заработать...

Кэтлин почувствовала, что его доводы начинают действовать на нее успокаивающе. Все выглядело достаточно убедительно. Испытующе глядя на него, она спросила:

– У вас какой-то особенный акцент. Вы американец?

Алекс кивнул:

– Я американский гражданин, но родился в Румынии. Мой отец был русским, мать – румынка. Сейчас я живу в

Швейцарии.

– Вы говорили, что пишете книги? В каком жанре...

– Меня интересуют всякого рода тайны, непонятные истории. Литературный псевдоним, которым я пользуюсь, – Алекс Кэлан.

Она покачала головой:

– Простите, к сожалению, никогда не слышала этого имени.

– Жаль. Многие считают, что в своем роде я непревзойденный мастер.

– Так трудно выкроить время на чтение...

Он слегка улыбнулся:

– Слишком много сил и времени уходит на полевые работы? Понимаю. – Он шагнул следом за ней в холл и обвел восхищенным взглядом просторный, полный воздуха и света зал, отметив, насколько продуманно здесь все – от старинной люстры до небольшой овальной фрески на стене. – До чего же красиво! – Он подошел к лестнице, что вела на второй этаж, и коснулся ладонью отполированных временем дубовых перил. – Сразу чувствуется глубокая старина во всем. Начало шестнадцатого столетия?

– Да. Вазаро выстроили в 1509 году; – улыбка озарила лицо Кэтлин. – Конечно, кое-какие пристройки делались, но все не позднее 1815 года. Большая часть мебели трехсотлетней давности. – Она повысила голос и позвала: – Мама!

– Я здесь, Кэтлин! – звонкий голос Катрин донесся из ком-

наты, что находилась с правой стороны от холла. – Как хорошо, что ты решила пораньше закончить работу! И в чем только у тебя душа держится? – Она появилась на пороге, и тут ее взгляд упал на Алекса. Лицо Катрин тотчас оживилось: – У нас гость?

Кэтлин с облегчением вздохнула, поскольку могла передать Алекса на ее попечение и тем временем позвонить в банк. Никто не мог устоять против обаяния Катрин, исполняющей роль хозяйки поместья.

– Это месье Каразов, мама. Моя мать – Катрин Вазаро. Месье Каразов – романист и собирается вложить свой капитал в наше имение.

– В самом деле? – лучезарно улыбнулась Катрин, принимая услышанное как нечто само собой разумеющееся. – Как это замечательно, месье Каразов! Уверена, что Кэтлин в восторге. Она так беспокоилась из-за денег все последние дни. Я ей говорила, что все...

– Надеюсь, ты угостишь месье Каразова нашим вином, пока я буду звонить? – нетерпеливо прервала ее Кэтлин. – Я вернусь через несколько минут.

– Не спешите. – Алекс вернул Катрин столь же неотразимую улыбку: – Счастлив знакомству с вами, мадам Вазаро.

Катрин буквально на глазах начала расцветать – так подействовали на нее непринужденные манеры гостя, его взгляд и обаятельная улыбка. Разница в возрасте ничуть не смущала ее.

Взяв под руку владелицу имения, Каразов бросил через плечо Кэтлин:

– Спрашивайте обо всем, что сочтете нужным. Я предупредил месье Ганоля, чтобы он был предельно откровенен с вами.

– Да, да! Я иду, – кивнула Кэтлин. Теперь она не сомневалась, что доходы Алекса вполне законны. – Не подумайте, что я не доверяю вам, но....

– Не надо верить мне на слово. – Его глаза блеснули в полумраке зала, когда их взгляды встретились. Фраза прозвучала довольно резко. В ней не чувствовалось той обходительности и того желания понравиться, какое он демонстрировал в разговоре с Катрин. – Глупо доверяться человеку, который вдруг предлагает вам решить все ваши проблемы. Собственная выгода – вот что правит миром. Только когда вы убедитесь, что я на самом деле заинтересован в процветании Вазаро, только после этого вы можете доверять мне. Если нет, пошлите меня ко всем чертям.

– Я уверена, что месье Каразову можно доверять, – заметила Катрин, пытаясь сгладить неловкость.

Но Кэтлин поняла, что Алекс говорит совершенно серьезно. Невольная дрожь прошла по телу, когда их глаза встретились. Она почувствовала, каков он – истинный Алекс Каразов. Не тот лощеный тип со светской улыбкой и вкрадчивыми манерами, чем-то напоминавший ей отца. А дерзкий, с холодным умом, безжалостный и... честный. Последнее

несколько успокаивало ее. В конце концов, если он честен, то какое ей дело до всего остального? Ведь речь шла о спасении Вазаро.

– Я наведу нужные справки, и, если что-то покажется мне неубедительным, вам и в самом деле придется идти своей дорогой. – Она холодно улыбнулась. – Но все же я думаю, мы в любом случае можем угостить вас бокалом вина.

Не обратив внимания на промелькнувшую в его глазах искорку интереса, Кэтлин, обойдя мать, устремилась в комнату, где стоял телефон.

Закрыв за собой дверь, она вынуждена была на миг приклониться спиной к отполированным временем деревянным панелям. «Боже мой!» – со страхом подумала она. Ее испугал не Алекс Каразов. А то, что надежда, которую он вселил в ее душу, развеется как дым, не успев окрепнуть.

Когда Кэтлин минут через двадцать спустилась в холл, лицо ее сияло. Алекса поразила та перемена, что произошла с девушкой. Но еще более неожиданным был его собственный, внезапно вспыхнувший интерес. Он забыл о том, что ехал сюда всего лишь с деловым предложением. Он снова ощутил себя мужчиной. Подобная реакция удивила его самого. Когда он впервые увидел Кэтлин, стоящую на коленях в потрепанных джинсах, мокрой от пота блузке, то испытал лишь скуку. На его вкус она была слишком простовата. Чуть позже, заговорив с ней, он переменял свое мнение и оценил ее скромную, неяркую красоту: тонкие черты лица, чистую

кожу, красивый светло-каштановый оттенок волос. Теперь, глядя в ее блестящие серо-зеленые глаза, он решил, что она – настоящая красавица. Отставив в сторону бокал, Алекс поднялся ей навстречу:

– Вижу, вы удовлетворены тем, что я не торговец наркотиками.

Кэтлин энергично кивнула:

– Месье Ганоль даже читал ваши книги.

– Разумеется. У него хороший вкус. Почему, как выдумаете, я доверяю ему вести свои дела?

– Он сказал, что вы написали две совершенно необыкновенные, удивительные книги.

– Сюжеты я умею закручивать, но вот характеры мне удаются хуже. Это мое слабое место.

Она засмеялась:

– Перед этим вы так расхваливали свои книги... Можно было подумать, что в них нет никакого изъяна.

– Ну а поскольку вы услышали отзыв со стороны, теперь мне не мешает проявить и толику скромности. И чтобы еще лучше зарекомендовать себя, предлагаю вам вернуться к нашей прерванной беседе.

Кэтлин нетерпеливо кивнула головой:

– Мы собирались обсудить вопрос о моих духах. Он вопросительно приподнял брови:

– И вы согласны принять мое предложение?

– Разумеется. Я ведь не сумасшедшая, чтобы отказывать-

ся от столь выгодной сделки.

– Нет, – он в задумчивости не отрывал от нее глаз. – Но мне кажется, что вы представляете собой чрезвычайно редкое создание – женщину, которая не способна прибегать ни к каким хитростям или уловкам...

– Это плохо?

– Не сказал бы. Но человеку с такими качествами придется нелегко в этой жизни.

Катрин подняла свой бокал с вином:

– Моя дочь ужасно прямолинейна. Вам надо это знать, поскольку вы теперь будете иметь с ней дело.

– Когда вы дадите нам деньги для погашения ссуды? – напрямую спросила Кэтлин.

«Господи! Да эта женщина открыта и уязвима, как дитя!» Алекс почувствовал необъяснимое раздражение, осознав, как легко можно обмануть Кэтлин.

– Завтра же мы можем встретиться в Каннах и перевести деньги на ваш счет. А сейчас предлагаю подписать контракт. – И он достал из внутреннего кармана нужные бумаги. – Я подготовил документ с теми пунктами, о которых уже говорил вам. Буду признателен, если вы поставите свою подпись, мадам Вазаро. Первый экземпляр останется у меня, а копии принадлежат вам. – Он положил бумаги па стол и жестом указал Кэтлин на кресло, которое еще оставалось свободным. – Вы, конечно, захотите ознакомиться с контрактом, прежде чем ваша мать поставит подпись.

Кэтлин не спеша присела, взяла в руки документ и принялась внимательно читать пункт за пунктом.

«Слава богу, – подумал Алекс, – она не настолько простодушна, чтобы предлагать матери бумаги на подпись, даже не заглянув в них».

– Кажется, все в порядке, – Кэтлин последний раз пробежала лист глазами, – все изложено предельно ясно и четко. Подпиши их, мама.

Алекс открыл колпачок ручки и протянул ее Катрин:

– С левой стороны каждой страницы.

Катрин кивнула и старательно расписалась на каждом листе.

– Теперь вы, – Алекс передвинул бумаги Кэтлин. – Ниже подписи вашей матери.

– Ну вот и все. – Кэтлин со вздохом облегчения отодвинула бумаги. – Теперь мы с вами партнеры.

– Да. Теперь мы партнеры. – Он взял контракт и принялся раскладывать листы. Часть себе и вторую половину – Кэтлин. – Теперь позвольте мне сказать, чего не должен делать мой партнер. Мой партнер не должен позволять никому давить на него, когда ему предстоит принять решение. Мой партнер не должен подписывать ни одной, даже самой ничтожной бумажки, не пригласив опытного юриста. Мой партнер в особенности не должен принимать всерьез сведения, полученные по телефону от неизвестной личности. Быть может, даже подставного лица.

Улыбка сошла с лица Кэтлин.

– Так вы все это подстроили?

– Нет, конечно. Но это так легко было сделать. Почему, черт возьми, вы столь неосмотрительны!

– Мне было страшно: а вдруг вы передумаете, – наивно заметила она.

Ее ответ только усилил его раздражение.

– Вам надо быть осторожнее.

– Зачем? Контракт подписан. Я решила довериться вам. – Она прямо посмотрела ему в глаза. – И потом, вы же сказали, что вы не мошенник.

– И вы поверили мне?

– Поверила. Я привыкла доверять своим ощущениям. За те четыре года, что мне пришлось управлять Вазаро, чего я только не навиделась, с кем только мне не приходилось иметь дело. Так что опыт общения у меня большой. – Она какое-то мгновение изучающе смотрела на него. – Мне показалось, что человек вы непростой. Но одно несомненно – не обманщик.

– Разумеется, он не обманщик, Кэтлин, – вмешалась ее мать. – Ты меня удивляешь. Месье Каразов – настоящий джентльмен.

Алекс шутливо поклонился им обеим:

– Благодарю за оказанное мне доверие.

– Но я не сказала, что доверяю вам, – сдержанно возразила Кэтлин. – Я страшно растеряна, взволнована и по-прежнему

не могу понять, чего вы на самом деле добиваетесь.

– То, чего я хочу, изложено в контракте. Яснее ясного.

Она слегка поморщилась:

– Может быть, я и в самом деле не очень хорошо разбираюсь в деловых вопросах, но я не так уж глупа и не сомневаюсь, что за вашим интересом к Вазаро кроется что-то еще, что, предлагая мне сотрудничество, вы преследуете какие-то свои цели.

– Тогда тем более удивительно, что, несмотря на все это, вы мне поверили.

– Я сказала только, что не считаю вас мошенником. А что касается ваших истинных мотивов, то все равно вы не позволите никому докопаться до истины. Понимаю и то, что, подписав контракт, выказала себя не с лучшей стороны. – Она пожалала плечами. – Что делать? Я умею выращивать цветы, мне нравится разрабатывать и находить новые сочетания запахов. Но бумаги, счета, юридические документы – все это сводит меня с ума.

– И вы с готовностью бросились в капкан...

На ее щеках вспыхнул румянец. Она расправила плечи.

– Хотите знать правду? Очень хорошо! Тогда я скажу вам все, что думала и думаю о нашем деле. Быть может, я не очень деловой человек. Но и не так наивна, как могло показаться. Мне известно, что контракт, если он окажется невыгодным для нас, можно оспорить в суде. – Теперь голос ее звучал решительно и холодно. – Вам должно быть известно,

что французские законы всегда стоят на страже интересов незащищенных женщин, особенно в тех случаях, когда заключаются сделки с иностранными кредиторами. Завтра утром я отправлю контракт моему адвокату и бухгалтеру. Если появятся какие-то неясности, мы внесем поправки. Если вы будете не согласны, мы обратимся в суд.

Выражение лица Алекса снова изменилось.

– Зачем же вы тогда подписали бумаги, если считаете, что здесь что-то может быть не так?

– Большая часть людей предпочитает избегать тяжб. Моя подпись ставит в трудное положение нас обоих. Но прежде чем согласиться, я все же сделала еще один звонок. Помимо месье Ганоля, я переговорила с Генри ля Фабром, представителем моего банка в Каннах, и попросила его подтвердить правильность телефонного номера, а также действительно ли месье Ганоль служит там. – Она открыто встретила его взгляд и горячо добавила: – И мне наплевать, какие цели вы преследуете на самом деле, раз вы даете деньги на то, чтобы я могла сегодня спасти Вазаро. Мне удавалось не раз отводить от него беду. Смогу защитить его и от вас, если возникнет такая надобность. И, кстати, теперь у вас такие же обязательства перед Вазаро, как и у меня перед вами.

Голос Кэтлин звучал резко, взволнованно. Куда только делась ее растерянность! Несколько минут назад такая наивная и неуверенная, сейчас перед Алексом стояла страстная женщина, готовая дать отпор.

Он еще некоторое время изумленно смотрел на нее, затем откинул голову и расхохотался:

– Бог мой! А я-то считал, что вы простодушны, как ягненок! Оказывается, вы просто-напросто заманивали меня в ловушку!

– Нет. Я лишь позволила вам заманить себя. Вы правильно заметили, что я терпеть не могу всевозможных ухищрений. Но я готова сделать все, что в моих силах, для спасения Вазаро. – Она обернулась к матери, которая растерянно слушала их разговор. – Полагаю, что месье Каразов останется у нас поужинать. Как ты думаешь, может, попросить Софи что-нибудь приготовить на вечер?

Катрин отрицательно покачала головой:

– Ни за что. Я сама позабочусь об ужине. Ведь у нас сегодня особенный день.

– Моя мама прекрасно готовит. Ее фирменные блюда выше всяческих похвал. Надеюсь, вы будете вознаграждены, если согласитесь немного подождать... Вы остановились в Каннах?

Он кивнул.

– Мы можем предложить вам комнату здесь, раз уж вы остановили свой выбор на Вазаро и взяли над ним опеку.

– С удовольствием принимаю приглашение. Тем более что нам необходимо обсудить план рекламной кампании. Кстати, вы уже придумали название для ваших духов?

– «Вазаро».

– Как и поместье... Мне почему-то казалось, что вы выберете что-нибудь более экзотическое.

– Вы не догадываетесь, почему? Когда-то Вазаро уже поставляло свои духи, правда, с другими названиями. Я работала четыре года над новым сочетанием. – Она вдруг с подозрением посмотрела на него. – Надеюсь, вы не потребуете от меня изменить название?

– Название меня совершенно не волнует. Если духи «Эгоист» вошли в моду, я не вижу, почему не могут пользоваться успехом духи под названием «Вазаро».

– Какой все-таки вы странный человек, – задумчиво проговорила Кэтлин. – Вы добились от нас всего, чего хотели, без особых для себя усилий, а потом вдруг рассердились на меня из-за этого...

– Я не рассердился.

Он не мог сказать прямо, что его вывело из себя. Но с самой первой минуты знакомства ее простота и искренность вызывали у него странное, незнакомое до сих пор желание защищать ее. «Первобытное желание», – цинично отметил он про себя. Но прежде по отношению к женщинам он не испытывал ничего, кроме обычного влечения.

– Я и сам не вполне понимаю, что со мной происходит, – откровенно признался он. – Но я рад, что вы доказали мне, что в состоянии постоять за себя.

– Должна предупредить вас, что не очень верю в удачу. – Кэтлин посмотрела ему прямо в глаза. – Духи могут и не пой-

ти. Гарантировать успех я вам не могу. Он зависит от многих обстоятельств... – Она сжала в руках бумаги, которые он отдал ей. – Извините, но мне нужно принять душ и переодеться к ужину. Надеюсь, бокал вина скрасит вам недолгое одиночество. Это вино с наших собственных виноградников. Оно вам понравится.

Она вышла, а Алекс медленно опустился в кресло. Казалось, в комнате сразу стало прохладнее. От этой женщины исходила неумемная, бьющая через край энергия, может быть, из-за того, что она все время старалась сдерживать свои чувства, не давая им вырваться наружу. Алекс попробовал отвлечься и потянулся к бокалу с вином. Не стоит принимать слишком близко к сердцу ни Кэтлин, ни того, что связано с Вазаро. Нельзя забывать, это всего лишь один из фрагментов головоломки, которую ему необходимо решить как можно быстрее. Если он и испытывал к ней что-то, то, конечно же, не более чем обычное физическое влечение. Алекс вспомнил, какое острое желание вспыхнуло в нем, когда он увидел появившуюся в холле сияющую Кэтлин. Странно, девушка совсем не в его вкусе. Правда, грудь у нее восхитительная, как у Юноны. Но сама она – слишком высокая, худощавая, подтянутая. Ничего чувственного в ней не было. Скорее всего дело в том, что он слишком долго обходился без женщин. Так почему бы не дать себе поблажку?

Он задумчиво поднес бокал к губам, пытаясь представить, какова она будет в постели.

Кэтлин приняла душ и, переодевшись, спустилась вниз. Она сразу почувствовала, что отношение к ней Каразова изменилось.

Беседа за столом шла по-светски мило и непринужденно. Алекс отпуская комплименты в адрес Катрин, не забывая оказывать знаки внимания и дочери. Разговор шел о каких-то пустяках. И вдруг в какой-то момент он задержал на ней свой тяжелый взгляд. В ту же секунду она ощутила всю остроту и силу его влечения. Это настолько поразило Кэтлин, что она даже не успела сделать вид, что ничего не заметила. Щеки ее вспыхнули, и она запнулась на полуслове. Алекс улыбнулся и, обратившись к Катрин, отметил, с каким вкусом и изяществом она украсила стол цветами.

После ужина он сразу засобиравшись в Канны и, прощаясь, попросил Кэтлин проводить его к дороге.

Белая спортивная машина светилась в лунном свете надменно, вызывая... и оставляла впечатление чего-то совершенно неуместного.

– Почему вы купили себе именно «Ламборгини»? – спускаясь по каменным ступенькам, спросила Кэтлин. – Мне кажется, эта марка не подходит вам. Слишком уж вызывающая.

– Возможно, это отвечает одной из сторон моего причудливого характера.

– В самом деле? – задумчиво спросила она – Но вообще-то вы не производите впечатление человека, который нуждается в побрякушках, чтобы произвести впечатление.

– Вы правы. – Он открыл дверцу машины. – Я купил ее, потому что был зол.

Она заинтересованно посмотрела на него.

– Я неожиданно оказался при больших деньгах и нарочно начал тратить их.

– Понимаю.

Он мрачно улыбнулся:

– Нет, не понимаете. И даже не догадываетесь, о чем я говорю. Вам, наверное, трудно представить, почему вдруг хочется расшвыривать презренный металл только затем, чтобы отомстить.

– Вы правы, это мне и в самом деле трудно понять. Мечь всегда казалась мне пустым делом, не стоящим внимания.

Он покачал головой:

– Напрасно. Нельзя, чтобы негодяй оставался безнаказанным. Это развяжет ему руки и толкнет на новое преступление.

– Вы верите в отмщение?

– Все верят.

– Я – нет. Думаю, надо стараться забыть прошлые обиды.

– Замечательно, – усмехнулся он. – И совершенно... нереально. Значит, вам еще не вонзали нож так глубоко, чтобы захотелось вырвать его и поразить врага в самое сердце.

– А с вами это было?

Он помолчал.

– Да.

Кэтлин не могла найти слов, чтобы продолжить разговор. Наступила пауза. И вдруг она физически ощутила его присутствие. Жар его тела, напряженность взгляда. Невольно отступив на шаг, Кэтлин сказала:

– Я должна попроситься с вами. Мне надо переодеться и еще немного поработать.

Он изумленно взглянул на нее.

– Вы собираетесь идти работать? Но ведь уже почти десять часов!

– Мне все равно надо закончить сажать розы.

– Нельзя же столько работать! Особенно теперь, когда мы заключили контракт и я согласился оплатить...

– Завтра нам пора начинать сбор лаванды. Значит, на розы не останется времени. Лучше, если я высажу их сегодня... – Кэтлин видела, что он все еще никак не может взять в толк, о чем идет речь. – Я еще не получила обещанных денег. Это пока мираж. И даже когда я получу их, но не означает, что я могу сидеть сложа руки. Сумма, которую вы выделите, никак не отразится на нашей нынешней работе. Мы должны сделать все, чтобы подстраховаться на будущее. Неизвестно, каким окажется следующий год.

– Господи! – пробормотал он. – Вы просто одержимая.

– Не ожидала, что вы так скоро поймете это.

– Я догадался только потому, – усмехнулся он, – что одно время сам был таким же одержимым. – Он сел за руль автомобиля. – Я буду в вашем банке завтра в полдень. Надеюсь,

вам удастся закончить к этому времени все свои дела, чтобы приехать за деньгами?

Она задумалась.

– Меня больше устроило бы два часа. Я не смогу раньше уйти с поля.

– Тогда в два... – Он повернул ключ зажигания. – Не думал, что мне придется подлаживаться к вашему расписанию, – сказал он, усмехнувшись.

Машина тронулась и стремительно покатила вниз, набирая скорость.

Кэтлин растерянно смотрела ей вслед.

– Все в порядке, дорогая? – Дверь распахнулась, и на пороге появилась Катрин. Ее вечернее платье бирюзового цвета переливалось в свете, льющемся из холла. Она тоже смотрела вслед удаляющимся огням гоночного автомобиля, пока они не скрылись за поворотом. – До чего же красивая машина, – мечтательно заметила Катрин. – Как ты думаешь, он позволит мне время от времени ездить на ней в Канны?

– Спроси его об этом сама, – Кэтлин поднялась по ступенькам. – Он, кажется, в восторге от тебя.

– И я от него тоже. Не часто встретишь таких привлекательных и обходительных мужчин. Он чем-то напомнил мне того австралийского актера с синими глазами... Ну, ты понимаешь, о ком я, – она прищелкнула пальцами.

– Может быть, Мел Гибсон?

Катрин просияла:

– Вот-вот. Он неотразим. И я почему-то уверена, что все теперь пойдет замечательно.

Кэтлин рассеянно коснулась губами щеки матери, проходя мимо нее в холл.

– Мне тоже так кажется. Спокойной ночи, мама. – Она подошла к лестнице. – Мне завтра понадобится машина, чтобы съездить в Канны.

Катрин нахмурилась:

– Я должна была поехать на завтрак к Миньон Салано в Ниццу... Но я вполне могу отменить свой визит.

– Не беспокойся, я обойдусь пикапом.

– Только не вздумай парковаться у банка, – поморщилась Катрин. – Эта старая посуда выглядит так ужасно.

– А мне она нравится. У нее свой характер, и она подходит мне. Мы с ней одинаково просты и лишены элегантности.

– Ты совсем не простушка. Только ты не прилагаешь никаких усилий, чтобы получше выглядеть, дорогая. Посмотри на свои платья. Все они уже давно вышли из моды, – сердито заметила Катрин. – Женщина обязана следить за собой и всегда выглядеть привлекательной.

Кэтлин покачала головой и мягко перебила мать:

– Боюсь, мы живем в разных мирах, мама.

– Иди лучше спать, Кэтлин, – вздохнула Катрин. Кэтлин не стала говорить ей, что идет наверх только для того, чтобы переодеться в рабочую одежду. Она хорошо усвоила, что, чем меньше мать знает о том, что происходит на самом деле,

тем меньше у нее поводов для волнения.

– Как ты полагаешь, после того, как месье Каразов ссудит нам деньги, я смогу купить себе новые платья?

– Посмотрим, сколько останется, когда мы заплатим по счетам.

– Ты счастлива, Кэтлин? Сначала мне показалось, что нет, а потом вдруг ты...

– Я очень довольна, мама, – быстро заверила ее дочь. Выражение облегчения сменило тревожную настороженность во взгляде Катрин.

– Мне так хочется, чтобы ты была счастлива, Кэтлин.

Катрин всегда хотелось, чтобы все были счастливы, с грустью подумала Кэтлин. И при этом ее мать никогда не понимала, что за счастье надо расплачиваться тяжким трудом, жертвуя чем-то. Они и в самом деле живут в разных мирах. Наверное, Катрин было бы намного приятнее, если бы ее дочь более походила на нее: если бы она проводила большую часть времени, листая журналы мод, бывая вместе с ней на светских завтраках и обедах, где обсуждали, как живет та или иная знаменитость. Но, по сути, мать была очень одинокой.

– Думаю, мы все-таки в состоянии позволить тебе купить хотя бы одно платье. Почему бы тебе не присмотреть завтра что-нибудь в Ницце?

Лицо Катрин просияло.

– Я не буду покупать ничего сверхмодного. Там есть пре-

лестный магазинчик. – Она заторопилась в свою комнату. – Что-нибудь с заниженной талией, я думаю. Помнится, что-то мне такое попадалось в прошлом номере «Вог». – В голосе ее, который доносился из комнаты, слышалась озабоченность. Видимо, она искала журнал.

Улыбка сошла с лица Кэтлин, когда она начала подниматься по лестнице. Они не могли позволить себе новое платье, но, вполне возможно, к тому моменту, когда надо будет погашать ссуду, их финансовое положение несколько поправится. Деньги Каразова уйдут на выплаты по закладной. И все равно остается еще множество дыр, которые надо залачивать.

Каразов... При воспоминании о том, как они стояли возле машины, ее охватило беспокойство. Она не могла не признать себе, что как мужчина он сумел вызвать у нее желание. Но то, что это влечение возникло, еще не означает, что ему следует потакать. Она не столь уж невинна в вопросах такого рода. И успела уже вкусить силу физического влечения. Но после того как она оставила университет ради Вазаро, она не могла себе позволить терять время на мужчину. И сейчас она испытывала не более чем влечение. Главное – удержаться от соблазна и не выходить за рамки обычной дружбы;

«Это самообман», – подумала она с внезапным раздражением. У нее не хватит ни опыта, ни умения противиться такому человеку, как Алекс. Поэтому самое верное – это по-

стараться избегать его, поскольку их близость может повредить делу. А этого никак нельзя допустить.

3

Во мраке зашторенной комнаты изумрудные глаза крылатого коня излучали какую-то божественную мудрость.

Кэтлин долго смотрела на него, затем, отодвинув кресло, подошла к столу и открыла блокнот.

– Танцующий Ветер! Не может быть! – услышала она голос, раздавшийся в дверях ее лаборатории.

Кэтлин замерла на миг, вцепившись в блокнот. Черт побери! До чего же она не любила, когда кто-нибудь посторонний заходил к ней сюда, в ее святая святых.

– Месье Каразов? – Она встала и подошла к выключателю. – Я не ждала вас.

– Как эта статуэтка оказалась здесь?! И что вы делаете с...

Он замолчал, потому что Кэтлин включила свет и нажала кнопку на пульте дистанционного управления, который держала в руке. Фигурка на черном мраморном пьедестале растаяла в воздухе.

Увидев выражение его лица, Кэтлин не смогла сдержать улыбки:

– Не ожидали?

Его взгляд быстро пробежал по трем проекторам, стоявшим на отдельной подставке.

– Голографическая проекция?

Она кивнула:

– Получается полное ощущение объема.

– М-да. Немудрено пойматься!

Кэтлин отметила, что он сменил темно-синий деловой костюм, который был на нем днем, во время их визита в банк, на потертые джинсы и свободную белую рубашку.

– Ваша мама сказала, где вы. Но я и представить не мог, что могло помешать вам присоединиться к нам за ужином. – Он улыбнулся. – Не очень учтиво. Значит ли это, что вы принимаете мои деньги, но отнюдь не мое общество?

– Мне надо было немного поработать. Я надеялась, что Катрин сумеет развлечь вас.

Его взгляд скользнул в сторону, где еще совсем недавно находилась статуэтка.

– Вы так серьезно занимаетесь Танцующим Ветром?

– А вы знаете о нем?

– Кто же не знает об этом восьмом чуде света? Незадолго до приезда сюда мне попала на глаза иллюстрация из альбома «Сокровища мирового искусства»...

– Ну конечно. Вы правы. Только у меня к нему особое отношение. Когда я занималась в Сорбонне, то писала курсовую работу о Танцующем Ветре.

– Вы специализировались по античности?

– Моя основная специальность – сельское хозяйство. Но я параллельно закончила курс по античности.

– Любопытное сочетание.

– Неизбежное. Вазаро – моя кровь и плоть. Моя жизнь.

– А при чем здесь Танцующий Ветер?

– Считайте, что это моя страсть.

Он прищурился:

– Почему?

– Это не так просто объяснить. История семейства Вазаро связана с Танцующим Ветром вот уже почти четыре столетия. Понятно, что я в какой-то степени зачарована... – Кэтлин встряхнула головой. – Но вам этого не понять.

– И все же...

– Я купила копию этого голографического фильма в нью-йоркском Метрополитен-музее, когда готовила доклад по своей курсовой работе. Фильм выпустила семья Андреас, которая располагает подлинником Танцующего Ветра. Эта покупка стоила мне целого состояния. Голографические фильмы еще на стадии экспериментов, и я до сих пор вздрагиваю, вспоминая, сколько я потратила на это оборудование.

– И все же вы не покупились.

– На что только не толкает страсть! – вздохнула она. – К тому же это случилось до того, как я по-настоящему разобралась в наших делах и поняла, в каком бедственном положении мы находимся. Время от времени, выкроив свободный часок, я пробираюсь сюда и отвожу душу.

– Значит, вы не только трудитесь, как рабыня, на плантациях... Кажется, судя по всему, мне следует попросить у вас прощения за нечаянное вторжение.

Она улыбнулась:

– Кажется, да. Надеюсь, теперь я смогла полностью удовлетворить ваше любопытство?

– Раз уж я ворвался сюда и нарушил ваше уединение, – шутливо, но настойчиво заговорил Алекс, – позвольте мне задержаться еще хоть ненадолго. Я чертовски устал.

Кэтлин почти физически ощущала те волны беспокойства и напряжения, что исходили от него. Она вернулась к своему столу и склонилась над блокнотом:

– Боюсь, здесь мало что может заинтересовать вас.

Он огляделся. Помещение трудно было назвать уютным.

– Что это? Похоже на самолетный ангар...

– Моя лаборатория – моя мастерская. Здесь я разрабатываю свои духи.

– Когда не сидите во мраке перед статуэткой. – Он оглядел круглый стол, за которым она работала. – Интересно.

Множество полок с сотнями поблескивающих колб и пробирок поднимались вверх над ее головой. Прямо перед ней стояли маленькие аптечные весы и лежал блокнот.

– Такое впечатление, будто вы собираетесь играть на органе.

– Тепло! Почти горячо! – улыбнулась она. – Сравнение хоть и неожиданное, но верное. В этих колбах содержатся вытяжки – масла различных цветов и растений. Я постоянно взвешиваю и делаю отметки, пока не добьюсь правильного соотношения. – Она указала на блокнот: – Приходится всякий раз четко фиксировать каждую стадию, чтобы знать, как

получилось то или иное сочетание. Занятие весьма тонкое. Ничтожное отклонение в количестве – и характер, и качество духов меняются до неузнаваемости.

– А я был уверен, что вы уже закончили работу над «Вазаро».

– С ними – да. Но магия ароматов завораживает. Вы всегда можете создать что-то новое, совершенно непохожее на то, что было до сих пор. Всегда есть надежда, что... О... извините! Я опять слишком увлеклась. Вряд ли вам интересны эти подробности.

– Напротив! Но отчего лаборатория располагается в пристройке, а не в особняке?

Она показала на широкие, похожие на амбарные двери с каждой стороны.

– Потому что я всегда могу распахнуть окна и двери и впустить свежий воздух в это дурманящее царство запахов. Очень трудно постоянно сохранять способность тонко различать все оттенки. Обоняние притупляется довольно быстро. Чтобы оживить его, необходимо хорошо проветрить помещение.

Он перевел взгляд на другую стену, где стояли полки, плотно уставленные рядами книг.

– Ваша мама сказала, что вы любите уединяться здесь.

– Да... – просто ответила Кэтлин.

– Больше, чем выращивать цветы?

– Это только часть целого.

– А целое – это Вазаро? Она кивнула:

– Мишель говорил, что это как замкнутый круг...

– Мишель?

– Мишель Андреас. Он жил здесь во времена Французской революции. Это был муж старшей дочери Катрин Вазаро и Франсуа Эчеле.

Он приподнял брови:

– Ее родители не были женаты?

– Вас удивляет, что у них разные фамилии? Дело в том, что в соответствии с законом о наследовании, который существовал в семье Вазаро, имение переходило всегда к старшей дочери, но только в том случае, если она после замужества сохраняла прежнюю фамилию.

– В восемнадцатом столетии такое право наследования – по женской линии – должно было быть чем-то из ряда вон выходящим, – заметил Алекс.

Кэтлин улыбнулась и кивнула.

– Именно Мишель создал впервые духи на основе роз, что выращивались в Вазаро. И эти духи стали пользоваться большим успехом. Говорят, все дамы при дворе Наполеона не расставались с флакончиком «La Dame». – Лицо ее снова оживилось. – Если бы вы читали дневник Катрин Вазаро... Это словно путешествие во времени. Она полюбила Мишеля как собственного сына... – Заметив снисходительную улыбку на лице Алекса, Кэтлин запнулась. – Ну вот, стоит мне заговорить на эту тему, я забываю обо всем на свете. А для

человека постороннего в этом нет ничего интересного.

– Отчего же! Напротив. И я поймал себя на мысли о том, какое, наверное, чувство уверенности порождает у человека знание того, сколько предков стоит за твоей спиной.

– Не думайте, что это так просто. Ведь узы, связывающие родителей и детей, – это не только любовь, но еще и взаимные обязательства. Мы в ответе перед своими предками и должны думать о том, что оставим в наследство потомкам.

– Мне понятно, что вы имеете в виду. – Он серьезно посмотрел на нее. – Тем более вы должны понимать, что есть люди, для которых намного легче жить, забыв о своих корнях. – Алекс поставил один флакон и достал с полки другой, поднимая его к свету. – А это что?

– Сирень.

– Вы ее используете в своих духах? Она отрицательно покачала головой:

– Для верхней ноты я использую жасмин. А средняя нота...

– Ноты? Мы опять вернулись к органу.

Она засмеялась:

– Наверное, процесс создания духов и в самом деле в чем-то сродни написанию симфонии. Верхняя нота – это та, которую улавливают в самом начале. Затем начинается ощущаться средняя и наконец главная, – которая является основой духов. Но в действительности между собой соревнуется множество созвучий ароматов, которые покоряют вас и очаро-

вывают... Настоящие духи раскрываются перед вами постепенно...

– Подобно строю симфонии.

– Да, но они не исчезают с последним аккордом. Кроме того, существует еще множество других требований, которые надо учитывать. Например, такое понятие, как резкость или нежность, которые создают образ духов.

– И ваши духи соответствуют всем требованиям?

– Судите сами. Вот мои «Вазаро». – Она взяла небольшую пробирку с ближайшей полки, капнула из нее на специальный материал, лежавший в коробке, и протянула белый пористый кусочек Алексу. – Мне хотелось добиться такого же особенного, неповторимого сочетания, какой отличает «Опиум», но только с другими нотами: опьяняющей свежестью полей после дождя, тонкостью благоухания лимонных деревьев и... – Она беспомощно развела руками. – Я хотела, чтобы это было – Вазаро.

Он провел на некотором расстоянии от лица надушенным кусочком и вдохнул в себя воздух:

– Никогда не встречал подобного аромата ни у одной женщины.

Кэтлин вдруг увидела перед собой живую картину: Алекса, зарывшегося лицом в волосы какой-то женщины. Она немедленно отогнала от себя это видение.

– На то и новые духи, чтобы отличаться от тех, что существовали прежде. Ну и как они вам?

Он положил белый кусочек на стол.

– Не могу ответить так сразу. Аромат духов очень сильно меняется в зависимости от кожи женщины. Можно?

Не дожидаясь ответа, Алекс взял капельку духов и провел по ее коже с внутренней стороны левого запястья, нежно потер и только после этого вдохнул с видом знатока:

– Хорошо.

Тон казался бесстрастно-вежливым, но прикосновение было слишком интимным.

– Еще один тест – самый важный! – Следующий мазок он сделал по ложбинке у горла, почти у самого выреза блузки. – Биение вашего сердца здесь слышнее всего, и аромат духов разносится его волнами...

Руки, касавшиеся ее шеи, казались тяжелыми, а шея неожиданно хрупкой. Подушечки его больших пальцев чуть сильнее погладили кожу, и ее сердце ответило на легкое движение учащенными ударами.

Наконец он убрал руки с шеи, и сердце Кэтлин будто ухнуло вниз. Она стояла и словно замороженная смотрела в его глаза, не в силах оторваться от ледяного сияния. Ей казалось, что даже в другом конце лаборатории слышно, как гулко бьется ее сердце.

– В самом деле, прекрасно! – пробормотал он, довольный произведенным эффектом и давая одновременно ответ на ее вопрос о впечатлении, которое производят духи. – Я бы даже сказал – великолепно!

Он уже не касался ее, но Кэтлин чувствовала, что и Алекс тоже разгорячился, хотя внешне оставался совершенно невозмутимым.

Но Кэтлин видела, как пульсирует жилка на виске, как вздрагивает тень от темных загнутых ресниц, скрывавших голубизну его глаз. Она уловила волну его собственного запаха – холодноватый оттенок лайма на более глубоком мускусном фоне. Было нечто первобытное в том, как они стояли друг против друга, приносиваясь к запахам.

Ее грудь вздымалась, и Кэтлин изо всех сил старалась заставить себя дышать ровнее, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать, дабы прервать затянувшееся томительное молчание.

Алекс тоже дышал глубоко, и она чувствовала мягкое тепло его дыхания на своей шее.

Боже мой! Он почти и не коснулся ее, а она уже трепетала, как в лихорадке!

– Исключительно! – Он отступил на шаг. Опущенные ресницы все еще скрывали выражение глаз. – Думаю, мы можем рассчитывать на успех.

Тут колени ее подломились, и Кэтлин села в кресло, понимая, насколько явно смятение отразилось на ее лице. Только абсолютное спокойствие Алекса помогло ей удерживать себя в руках. Кэтлин не без яда заметила:

– Хороший бизнесмен обязан был выяснить это еще до подписания контракта.

– Это ничего не изменило бы. Я все равно не представляю, какие качества в духах больше всего ценят женщины. – Веселые искорки промелькнули в его глазах. – Но зато я хорошо знаю, что больше всего нравится мне.

И Кэтлин поняла. Ему понравилась она сама. Ее запах и то, как она откликнулась на его прикосновение, на его зов. Зов пола – ясный и простой. Она быстро перевела взгляд на пробирку с духами:

– И что вы собираетесь делать?

Он не ответил. Она снова заметила этот странный неуловимый блеск в его глазах.

– Вы говорили, что необходимо обсудить план рекламной кампании, – настойчиво продолжала она.

– Не сейчас. У меня есть несколько идей. Но прежде чем я буду готов изложить все в целом, мне надо дождаться кое-каких дополнительных сведений. Думаю, в течение ближайших дней мы получим то, что мне нужно. Предупредите вашу маму, что на почту будут ежедневно приходить бандероли. Я дал задание различным агентствам собрать нужные сведения. – Он окинул взглядом ряды стоявших на полках книг. – Это все специальная литература по парфюмерии?

И как это ему только удавалось?! Она знала, насколько он был возбужден несколько минут назад, но вот так быстро сумел овладеть собой. Впрочем, даже если это всего лишь умелое притворство, Кэтлин была благодарна ему за то, что он дал ей возможность прийти в себя.

– Основная библиотека в доме. За исключением дневника Катрин, здесь – только специальная литература.

– Вы позволите мне взять отсюда в дом несколько справочников по парфюмерному делу? Думаю, что знания, которые я почерпну, пойдут только на пользу нашему общему предприятию.

– Разумеется.

Он принялся перебирать книги, вынимая одну за другой, пока не набрал несколько – штук.

– Вообще-то вы в любое время можете приходить сюда и брать все, что вам покажется нужным и интересным. Я новее не собираюсь запирать от вас лабораторию на замок, – сухо проговорила она.

– Спасибо. – Он двинулся к выходу. – Меня мучает бессонница, и я быстро прочту их еще и благодаря тому, что давно освоил скорочтение. – Он ловко ускользнул от ее пытливого взгляда. – Как вы понимаете, эти профессиональные навыки вряд ли требуются торговцу наркотиками, каковым вы меня сочли. – Алекс переложил стопку книг в одну руку, чтобы второй открыть дверь. – А знаете, я обманул вас.

Она с удивлением взглянула на него.

– Ложбинка на шее женщины – не лучшее место для проверки духов.

– Почему?

Он покачал головой:

– Потому что есть другое, где запах чувствуется намного

ярче и отчетливее. Мы как-нибудь попробуем его. – И он закрыл за собой дверь, не дав ей ответить.

Кэтлин некоторое время, ошеломленная и растерянная, смотрела на дверь, а потом вдруг засмеялась.

Поднявшись наверх, в свою комнату, Каразов сразу же начал набирать номер Саймона Гольдбаума в Нью-Йорке.

Тот отозвался не сразу и был не очень доволен ответной реакцией Алекса.

– Господи, Алекс, на что ты рассчитывал? Джонатан Андреас очень скрытный человек и оберегает свою личную жизнь. Требуется время, чтобы выудить хоть что-то....

– Для начала сойдет любая зацепка. – Алекс присел на кровать и открыл блокнот. – Ну, что там у тебя набралось?

– Ему сорок два года. Это промышленник, занявшийся морской перевозкой грузов и развлекательными круизами. Активно занимается политикой. Республиканец. Его поместье находится на севере от Чарльстона в Южной Каролине. Являет собой нечто вроде патриарха клана.

– Женат?

– Нет. Были кое-какие увлечения, но весьма сдержанные. Вообще ключевые слова, связанные с ним: умеренность, сдержанность, осмотрительность.

– Это все?

– Нет. – Гольдбаум помедлил. – В среде республиканцев его ценят. За ум, за дипломатичность. За то, что при необходимости умеет идти до конца.

– На что ты намекаешь?

Какое-то время на другом конце линии царило молчание.

– Я хочу сказать, что у него есть все шансы стать следующим президентом Соединенных Штатов.

– Что еще?

– Черт тебя побери, Алекс! Ты не найдешь никакой зацепки. Человек, у которого есть шанс стать президентом, будет очень тщательно следить за собой, чтобы не сделать ни единого неверного шага.

– Покопайся в его прошлом.

– Мне кажется, что он в самом деле хороший человек.

– Это не означает, что он не совершил ни единой ошибки в своей жизни. Святых на свете не бывает.

Алекс положил трубку. Он ожидал от Гольдбаума большего. Бывший репортер... Если уж он ничего не смог раскопать на Андреаса, то, возможно, ничего и не было.

Алекс встал, подошел к окну и, не отдавая себе отчета, стиснул в руках шелковую занавеску. Невидящими глазами смотрел он на залитые лунным светом бесконечные поля Вазаро. Он рассчитывал, что все будет проще, если он, оставаясь в тени, бесстрастно и холодно будет руководить событиями из Вазаро. Но боже, как это трудно – постоянно сдерживать себя, свое нетерпение. Вот уже два дня, как он здесь. И что же? В результате его терзают еще большее чувство вины и угрызения совести. Но в чем ему упрекать себя?

Конечно, он не был с ней совершенно откровенен. Но Кэт-

лин сама заявила, что ее не интересуют его истинные мотивы. Главное – это денежное вложение, которое поможет спасти Вазаро. Ему незачем корить себя.

Он еще сильнее сжал в руках шелковистую ткань, и ему тут же припомнилась шелковистость ее кожи и серо-зеленые глаза, которые смотрели на него с настороженным удивлением. Почему он остановился? Она была готова. Он ясно ощутил дрожь, пробежавшую по ее телу после того, как он прикоснулся к ней. Почему он отступил?

Алекс отвернулся от окна. Надо лечь в постель и забыть о Кэтлин и ее Вазаро. Надо сосредоточиться только на Ледфорде и на том, что он с ним сделает, когда поймает этого сукина сына.

– Мартиника! – упрасивал его Павел. – Чутьочку солнца – вот и все, что я прошу. Немного солнца, немного любви и хорошей еды...

– Когда ты в последний раз взвешивался?

Павел, привязанный к креслу, шевельнул мертвыми губами:

– Мартиника! Немного солнца...

– Павел!

Алекс резко сел на постели. Сердце отчаянно стучало, тело покрылось холодным потом.

Опять все тот же кошмар! Он преследовал его и во сне, и наяву, стоило хоть на мгновение забыться. И снова то же чувство гнева и горя обожгло его, как и в тот самый момент,

когда он увидел Павла привязанным к креслу.

Алекс закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в теле, так изнурившую его все эти дни. Кошмар не оставит его до тех пор, пока он не доберется до Ледфорда и не отомстит ему за бессмысленное убийство друга. Он не мог вспоминать о Павле, не думая о Ледфорде. А о Ледфорде, не вспоминая о Павле. И мысль о Павле была слишком мучительной...

Наконец дрожь отпустила его, и он смог откинуться на подушки. Сквозь сомкнутые ресницы просочились горячие, как раскаленное олово, слезы.

Нельзя постоянно копить в сердце эту ярость и боль. Надо попробовать отвлечься.

Кэтлин Вазаро!

Пока он стоял с ней рядом – мысли о Павле на миг отступили куда-то в тень. Ей удалось заинтересовать его. Он полностью погрузился в то, что происходило между ними. Наверное, будет разумно воспользоваться ее присутствием и тем чувством желанья, что она вызвала в нем, чтобы дать себе хоть небольшую передышку. Это пойдет только на пользу. Он сможет мыслить более ясно и четко. Кэтлин – вот лучшее средство отогнать боль и кошмар.

Использовать Кэтлин в своих целях? Он до печенок ненавидел тех, кто использует людей в своих целях. Его самого слишком часто использовали за эти годы, чтобы он мог пойти на такое.

Но сейчас ему необходим кто-то... Ему нужна женщина.

В конце концов, он может быть совершенно честен с нею. Объяснить ей свои чувства. Он видел, что сегодня сумел пробудить в ней такое же сильное желание, как его собственное. Она не откажется дать ему то, в чем он так нуждается.

Забыться хоть на некоторое время.

– Можно, я помогу?

Кэтлин подняла глаза и увидела Алекса, стоявшего рядом с ней. На нем снова были те же самые потертые джинсы, что и вчера, и простая белая майка.

– Что? – не сразу поняла она.

– Мне бы хотелось помочь вам. Если, конечно, вы не против.

Он посмотрел на работавшую рядом женщину.

– Работа не кажется очень сложной.

– Нет. Нужен лишь навык и четкий ритм. Но она довольно утомительная.

Он улыбнулся:

– Не думаю, что меня хватит удар от усталости. У себя в Швейцарии я каждый день катался на лыжах и сейчас в отличной форме.

Она видела, что он не хвастается. Открытые рукава майки обнажали мощные бицепсы. Ни на груди, ни на животе – ни жиринки. Джинсы туго облегли не менее мускулистые ноги.

– Если вы скучаете, почему бы вам не заняться своим романом?

– Муза оставила меня. Хочется заняться каким-то про-

стым делом, после которого лучше засыпаешь.

Ей показалось, что плечи его в самом деле поникли, словно он нес какой-то тяжелый груз. Грустная усталость, которую она сразу почувствовала в нем, сегодня снова ощущалась с особенной силой.

– Ступайте к пикапу и возьмите себе корзину у Жака.

– Кэтлин просила вас выдать мне корзину, д'Аблер.

– В самом деле? – спросил Жак, выгружая принесенные сборщицей цветы. – И для чего она вам?

Раздраженный его тоном, Алекс вскинул глаза и, встретил неприязненный взгляд Жака, почувствовал вдруг прилив злобной радости. Наконец-то он нашел того, на ком можно выместить гнев, обиду, недовольство собой, так мучившие его все это время.

Жак д'Аблер – достойный противник. Хотя он немолод, но мускулист и крепок, как скала. И в нем ощущалась уверенность человека, способного физически расправиться со своим противником. Алекс оценивающе оглядел его, пытаясь угадать слабое место.

– А для чего они остальным сборщикам?

– Для того, чтобы они могли заработать себе на жизнь, на кусок хлеба. – Жак спокойно выдержал его взгляд. – Но Кэтлин говорила, что у вас нет надобности добывать себе на хлеб насущный. Вы достаточно богаты. Настолько, что можете себе позволить ни с того ни с сего дать ей большие деньги.

– И вы ей не поверили?

– Поверил, что вы пообещали ей это. – Он пожал плечами. – Мы знаем, что Кэтлин не глупа. И у нас глаза не на затылке.

– Так я могу взять корзину?

Подошла еще одна сборщица, и Жак вывалил в кузов прицепа корзину, полную цветов.

– Как я уже сказал, Кэтлин не глупа. Но ей очень хочется спасти Вазаро. Вот почему она с такой легкостью доверилась вам. Именно это меня и беспокоит.

– Сочувствую.

– Да. Это так. И если вы разочаруете ее, если причините ей боль, то я... я не знаю, что с вами сделаю.

– И что же вы можете сделать? – поинтересовался Алекс, вплотную подступая к нему.

– Когда Кэтлин была еще совсем маленькой девочкой, – начал Жак, – отец подарил ей золотой кулон – Пегаса с изумрудными глазами. Все знали, как ее заворожила легенда о Танцующем Ветре. Ридо умел играть на струнах женской души. Она не снимала кулон ни днем, ни ночью души в нем не чаяла. Словно это был волшебный талисман, который приведет ее к Танцующему Ветру. – Жак д'Аблер задумчиво глядел прямо перед собой. – Однажды ночью ее отец ушел из Вазаро. И Пегас исчез вместе с ним. – Он едко улыбнулся. – К этому времени в поместье не осталось уже ничего более ценного, что он мог бы унести с собой.

– Уверяю вас, я не ворую драгоценности. И это все, что

вы хотели мне рассказать?

– Нет, не все, – улыбка Жака стала еще шире, обнажая чистый белый ряд зубов на бронзовом лице. – Я отправился к этому сукину сыну в Канны, где он остановился в отеле, и попробовал отобрать украшение. К сожалению, я переусердствовал и сломал ему нос и три ребра.

– Как интересно. И он вернул кулон?

– Нет. Он успел перепродать его одной из своих богатых подружек, которая, как выяснилось, в этот день уехала. Тогда я вернулся в отель и сломал Ридо обе руки. Он был последним человеком, который сумел огорчить Кэтлин.

Алекс попытался воскресить прежнее враждебное чувство к этому человеку... и не смог. Что-то в нем – искреннем, простом и свирепом – напомнило ему Павла в те дни, когда они только познакомились в спецназе.

– Что ж, это могло отбить охоту у любого. И теперь, когда мы так хорошо поняли друг друга, я могу взять корзину?

– Боюсь, что вы не все поняли.

– К сожалению, слишком хорошо, – глядя в глаза Жаку, ответил Алекс. – У меня нет охоты драться с вами. И мы хотим одного и того же.

Жак какое-то мгновение стоял, изучая его, затем нагнувшись, вытащил корзину из стопки и кинул ее Алексу.

– Третий ряд. Я там буду через минуту и покажу, как надо собирать.

Кэтлин думала, что, получив корзину и выслушав настав-

ления Жака, Алекс встанет рядом с нею. Но вместо этого он выбрал место рядом с Пьером Ледо и шел вдоль грядки до полудня, пока Жак не крикнул, чтобы сборщики несли свои корзины к пикапу. Алекс закинул свою, наполненную до краев, и, не говоря ни слова, направился к дому.

На следующее утро Алекс снова был в поле и опять пошел не рядом с нею, а выбрал место в другом конце. Во время короткого перерыва в десять утра, когда они пили кофе с рогаликами, Кэтлин увидела, что он устроился на дне прицепа и о чем-то беседует с Жаком.

На третий день Жак, проходя мимо по полю, остановился рядом с Кэтлин и ворчливо проговорил:

– Сначала он мне не показался, но... Думаю, ему можно доверять.

Кэтлин с удивлением подняла на него глаза.

Жак никогда не торопился с выводами. И ей казалось, что такого загадочного человека, как Алекс, Жак примет далеко не сразу.

– Его не так просто понять, – пробормотала Кэтлин. – Ты что-нибудь узнал о нем?

– Он недавно пережил тяжелую утрату...

– Как ты угадал? Жак пожал плечами:

– Знаю. Слишком неистово работает... Обычно таким образом хотят отвлечься.

Кэтлин невольно посмотрела в ту сторону, где работал Алекс. На этот раз он выбрал место рядом с Рене Буассен.

– Он довольно быстро освоился.

– Сильный парень, – с оттенком уважения сказал Жак. В этом не было никаких сомнений. Эти два дня Алекс работал с таким азартом, что его неумная энергия заражала всех вокруг.

Жак развернулся и пошел между грядок к прицепу.

А Кэтлин вновь украдкой бросила взгляд на Алекса. Он смеялся, перебрасываясь шутками с Рене. Его лицо оживилось. Отчужденная холодность, которая, как маска, сковывала его черты, смягчилась. Сейчас нельзя было поверить, что его терзает какая-то душевная боль. Он выглядел очень земным и основательным. Между тем лощеным красавцем, что появился в Вазаро несколько дней назад, и сегодняшним Алексом пролегла пропасть. Волосы его взмокли и прилипли ко лбу. Потемнела от пота и голубая рубашка с закатанными рукавами. Он стоял, слегка расставив ноги в своих потертых, слишком облегающих джинсах. У Кэтлин перехватило дыхание, в ушах зазвенело – она вдруг невольно представила его раздетым, стоящим в такой же позе. Она быстро отвела взгляд. То, что произошло между ними в лаборатории, – всего лишь случайность. Им лучше обоим забыть о ней. Алекс Каразов явно преследовал какую-то свою цель так же, как и она свою.

– Давайте прогуляемся после обеда...

Кэтлин передала Жаку полную корзину.

– Но у меня нет на это времени. – Снова Алекс застал ее

врасплох, когда она не ждала этого. Сначала Кэтлин почувствовала, что сердце ее взметнулось куда-то вверх, а потом тяжело ухнуло вниз и снова громко и быстро застучало.

– Мы ненадолго. За эти дни я обошел Вазаро, и у меня есть несколько вопросов к вам. – Он улыбнулся. – В конце концов, будьте справедливы. Я неплохо поработал на поле.

– Вы сами напросились.

Он кивнул.

– И теперь прошу вас о маленьком одолжении – прогуляться со мной. – Он кивнул головой на юг.

Кэтлин помедлила, а затем неуверенным шагом двинулась в ту сторону, куда он показал.

Солнце светило ясным ровным светом. Ароматы земли и цветов обступили их со всех сторон. И присутствие Алекса тоже на этот раз не было тягостным. Давно она уже не гуляла ни с кем вот так, просто ради прогулки. Всегда спешила куда-то, торопилась...

– А вы не болтливы, – заметил Алекс после десятиминутного молчания.

– Так же, как и вы. – Она испытующе посмотрела на своего спутника. – Жак сказал, что вы хороший сборщик. И если вы потеряете свой капитал, он с радостью примет вас на работу.

– Буду иметь в виду. И давно он здесь – всезнающий и вездесущий Жак?

– Он родился и вырос в Вазаро. Я помню его с самого детства. Помню, как он поднимал меня и усаживал на собран-

ные цветы, когда я еще, спотыкаясь, училась ходить.

Алекс показал на белые цветы, растущие в поле справа от нее:

– Жасмин?

Кэтлин кивнула.

– На следующей неделе уже можно приступать к сбору. – Она как замороженная смотрела на поле цветущего жасмина. – Я сейчас вспоминаю о том, как мы приходили ни эти поля с Жаком в сумерки, когда я была совсем маленькой. Это было все равно что войти в какой-то сказочный мир. Золотистое сияние, казалось, повисало в воздухе.

Этот свет насыщал белый жасмин глубокими кремовыми оттенками. Небеса приобретали цвет лаванды и темно – розовых гвоздик...

– Вас приводил сюда Жак, а не отец?

Ее улыбка погасла.

– Жак вел меня сюда, когда в доме затевали очередную вечеринку. Отец не любил, когда дети путаются под ногами у взрослых. – Она смотрела вперед. Ее шаги ускорились. – В Вазаро так часто устраивались в те времена вечеринки.

Она чувствовала на своем лице взгляд Алекса, но он не стал продолжать разговор на эту тему, и некоторое время они снова шагали молча, пока не поднялись на гребень следующего холма. Их взору открылся захватывающий вид на море, небо и горы.

– Что это за город там, внизу? – Алекс показал на домики

вдоль побережья.

– Это Канны.

– А вон это что? – и он кивнул на маленький коттедж из камня с соломенной крышей, что стоял неподалеку от подножия холма. – Кто там живет?

– Никто, – улыбнулась Кэтлин.

– Он выглядит таким старинным...

Она кивнула и начала спускаться с холма.

– Филипп Андреас построил его еще до Французской революции. Он служил управляющим у Катрин Вазаро.

– Он использовал его как склад для цветов?

– Нет. Он слыл местным донжуаном и приводил сюда поселянок для любовных забав.

Она распахнула дверь и, сморщив нос от густого запаха пыли и гнилого дерева, вошла в коттедж. Паутина свисала со всех сторон. Огромная кровать перегородивала проход к окну. Покрывало из хлопка обветшало и пожелтело от времени. Кресло у камина сплошь затянула паутина, и громадная охапка спрессованной соломы с крыши свалилась через дымоход в камин.

– Какое чудесное место. Мне так давно хотелось отреставрировать коттедж. Но постоянно не хватало денег.

Алекс оглядел кирпичную кладку камина.

– Зачем хлопотать, если никто здесь не бывает? Она удивленно посмотрела на него:

– Потому что это часть истории Вазаро.

– Простите меня, – он отвесил ей шуточный поклон. – Я должен был сразу догадаться: все, что связано с Вазаро, – свято. Даже приют свободной любви, которой предавались на этой кровати.

Кэтлин внезапно ощутила какую-то неловкость от того, что они остались наедине в этой комнате. Алекс казался очень уж оживленным и заинтересованным.

– Нет. Кровати в то время здесь не было.

Он с любопытством огляделся.

– А что же было?

– Если верить дневнику Катрин, то здесь лежал огромный тюфяк, наполненный сухими травами, перемешанными с лепестками цветов. Филипп распорядился застелить его атласным покрывалом. Так что он предавался любовным утехам на ложе из цветов. – Пристальный взгляд Алекса вызывал у Кэтлин чувство неловкости. Кэтлин принудила себя улыбнуться. – Вот почему его называют «Приют цветов», – закончила она.

– Но назвать эти утехи любовью нельзя, не так ли, Кэтлин? – Его голос звучал мягко, но требовательно. – Они приходили сюда, чтобы сбросить накопившееся в них напряжение. Чтобы разрядиться. Только ради этого.

Она через силу улыбнулась.

– Думаю, что он не терял голову. Но... до чего же беден наш словарь.

– Чтобы найти слова, выражающие суть? Для этого нужно

быть всего лишь искренним с самим собой. – Алекс помолчал. – Я хочу, чтобы мы легли с вами прямо здесь и чтобы вы позволили мне обладать вами.

Ошеломленная его прямоотой, она растерянно молчала, не зная, что ответить.

– Я хочу, чтобы вы стонали, кусались, царапались, извивались подо мной от страсти. – Он посмотрел на нее. – Я вижу, что и вы хотите того же.

– О боже! – Она облизнула внезапно пересохшие губы. – Никто никогда не посмел бы говорить со мной так...

– А вот я осмеливаюсь сказать прямо, что хочу вас. Но это будет не любовь. А только секс в чистом виде, – продолжал он. – Я не хочу лгать вам. Я не верю в романтическую любовь и никогда не испытывал ничего подобного. А вы?

Она покачала головой, с изумлением глядя на него:

– И вам не хочется заманивать меня сладкими речами?

– Нет. Я предпочитаю говорить прямо и откровенно. – Он запнулся, потом неловко добавил: – Вы можете подумать, что я холодный и бессердечный человек. На самом деле это не так. Я знаю, как сделать женщине приятное. Я умею быть добрым. Согласитесь, это тоже важно.

– Наверное, – кивнула она, все еще не совсем понимая, как они могут вести разговор на эту тему.

– Думаю, что я высказался достаточно ясно.

– Вполне. – Она повернулась, чтобы уйти. – Должно быть, своеобразие этого приюта вскружило вам голову.

– Филипп и его цветочное ложе тут ни при чем. Я уже три дня неотступно думаю о том, как бы переспать с вами. Это всего лишь повод.

– Вы не затрудняли себя ухаживаниями.

– Это могло лишь насторожить вас, – откровенно признался он.

Она широко распахнула глаза, пораженная его пронизательностью.

– Я понял, что хочу вас, при первой же встрече. Но мне казалось, что это пройдет. Мне представлялось, что если как следует поработать и устать, то... – Он покачал головой. – Но это не помогло. Теперь еще хуже, чем вначале. Я собирался соблазнить вас. Но это оказалось не так просто. Вы всегда внимательно следите за собой и стараетесь не давать себе воли.

Стряхнув растерянность, Кэтлин резко спросила:

– Вы закончили?

– Почти. Я сказал главное: что хочу вас.

– И все?

– Вы нужны мне.

Он произнес эти слова с такой мукой, что ее будто током ударило. Это была правда. Почему-то он нуждался в ней. И этот призыв был таким настоящим, что ее потянуло к нему как магнитом.

Не отдавая себе отчета, она сделала шаг навстречу. Небо! Что она делает! Она не хочет этого!

– Нет!

Он глубоко вздохнул:

– Подумайте на досуге. Никаких обязательств. Только взаимное уважение и то наслаждение, которое мы можем дать друг другу.

– Не желаю даже думать об этом. – Она повернулась, чтобы уйти.

Он открыл дверь и отступил, пропуская ее.

– Я попытаюсь еще раз, Кэтлин. Я настойчив.

Она знала это. Она уже видела, с каким упорством он работал на полях эти дни.

– Я не хочу ничего менять в наших отношениях. Меня устраивает то, что есть. – Она прямо взглянула ему в глаза. – И я буду очень рада, если весь ваш пыл пойдет на дела, связанные с Вазаро.

– Наш разговор еще не окончен, – он как будто не обратил внимания на ее последние слова.

За то короткое время, что Алекс был в Вазаро, она постоянно ощущала его сокрушительное обаяние; никогда еще ни один мужчина с такой силой не притягивал ее воображения. Вот и сейчас она с трудом выдержала пристальный взгляд его синих глаз.

– Надеюсь, вы перемените свое решение.

Ничего не ответив, она зашагала вверх по крутому холму.

Он снова смотрел в ее сторону.

Кэтлин, не оборачиваясь, краем глаза видела, как Алекс

движется в соседнем ряду, обрывая цветки лаванды. Могло показаться, что он не обращает на нее никакого внимания. Но время от времени оба ловили себя на том, что смотрят друг на друга. Бросив цветок в корзину, она словно автомат потянулась за другим.

Она уже поняла, что у нее нет сил не смотреть на него. Ни какие внутренние запреты не срабатывали.

День был жаркий, и мужчины работали без рубашек. Капли пота блестели на загорелых плечах и груди Алекса. Вот Алекс остановился, откинул со лба волосы и повязал их бело-голубым платком, который ему одолжил Пьер, что сразу придало ему какой-то разбойничий вид. Кэтлин невольно залюбовалась его стройной фигурой и гладкой упругой кожей, под которой перекачивались мускулы.

– Неплохо. – Рене озорно посмотрела на Кэтлин. – Если бы не мой муж, я бы позавидовала тебе, Кэтлин.

Воздух был до предела насыщен ароматом лаванды, которую они собирали. И вдруг... Кэтлин могла бы поклясться, что уловила слабый запах лайма с мускусом.

– Нечему завидовать, – ответила она сухо.

– В самом деле? Неужели такой лакомый кусочек томится в прихожей? – Рене кинула цветок в корзину. – Как же так?

– Вот так, – отрезала Кэтлин.

– Ну и ну! У тебя что, с головой не в порядке? – иронически заметила Рене. – Почему ты отказываешь себе в такой радости? Он смотрит так, будто готов проглотить тебя.

И вполне может. Такой мужчина даже...

– Я не хочу говорить о нем...

– Собралась в монастырь, как я погляжу?

– Занимайся своим Пьером!

– Непременно. Уж я своего не упущу. – Рене обернулась. –

Он снова смотрит на тебя!

Кэтлин не поднимала головы от грядки, стараясь смотреть только под ноги... И все же против воли скосила глаза в его сторону. Алекс стоял, глядя на нее, и она забыла, что нужно отвернуться.

Слабый ветерок коснулся ее лица своим горячим дыханием, прижимая ткань блузки к телу. Она почувствовала, как напряглись соски мгновенно набухшей груди, как легкое покалывание в лоне сменилось болью.

Она услышала, как присвистнула Рене:

– Ого! Смотри не завались с ним прямо в поле. Запомни: постель будет помягче земли.

Кэтлин заставила себя отвести взгляд от Алекса и продолжить работу.

Нет, она не собирается сдавать свои позиции. Мешало только одно – она стала неважно спать и ей все время хотелось свежего воздуха.

Кэтлин бессильно опустила в кресло у окна и устремила невидящий взгляд на раскинувшиеся перед ней поля, залитые лунным светом. Она обманывала саму себя. Сон не шел потому, что этот чертов Алекс торчал у нее перед глазами.

Последние две ночи она провела, стоя у окна, и видела, как он спускался с холма и уходил в поля. Он выглядел подавленным. Походка его была усталой. Обе эти ночи он пропадавал надолго, и она тоже, не смыкая глаз, ждала его возвращения.

Вот и теперь он снова возвращался уже под утро. Ночь была такой тихой, что она слышала шорох его шагов и его дыхание. Луна стояла высоко и высвечивала его темные полосы и высокую крепкую фигуру. Остановившись на нижней ступеньке, он внезапно поднял голову и посмотрел в сторону ее окна на втором этаже. Она отпрянула, захваченная врасплох.

– Кэтлин?

Она не отвечала.

– Я знаю, что ты там. Я видел тебя.

Молчание.

Он снова заговорил, и в голосе его звучала боль:

– Не заставляй меня ждать, ты очень нужна мне.

Он уже говорил это. Она прижала к пылающим щекам холодный бледно-зеленый шелк гардин, чувствуя, как снова набухает грудь, как ткань ночной рубашки мешает глубоко вздохнуть.

«Боже!» Она начала понимать, что и он тоже нужен ей.

Алекс постоял еще немного. И каждый мускул его тела был напряжен до предела. Потом он медленно начал подниматься вверх по каменным ступенькам, пока не исчез из по-

ля зрения. У нее перехватило дыхание, когда его шаги слышались на втором этаже;

Он прошел мимо ее двери и зашагал дальше по коридору в свою комнату.

4

Было уже далеко за полночь, когда она увидела Алекса, спускавшегося вниз с холма, к полям.

Она закрыла глаза и прижалась горячей щекой к холодному оконному стеклу.

Кэтлин чувствовала, что ее неумолимо тянет выйти следом за ним. Господи! И за что ей эта мука? Отчего она не может избавиться от наваждения? Ни думать, ни работать, ни сосредоточиться на чем-то.

Кэтлин вдруг замерла, когда до нее дошла очень простая мысль. Не мужчина мешал ей! А желание, которое она испытывала к нему. И если это желание удовлетворить, то она сразу станет сама собой. Как же глупо она себя вела все это время!

Кэтлин вскочила и бросилась к двери.

Нельзя оставлять времени ни на размышления, ни на отступление. Она стремительно сбежала по ступеням вниз. Теплый ветерок принес запах лаванды. Ткань сорочки ласково прильнула к ее телу. Алекс уходил все дальше, его почти не было видно, и она бегом устремилась за ним. Должно быть, он миновал уже недавние посадки роз. Его шаг становился все шире и стремительнее.

Почему-то ей не приходило в голову, что можно окликнуть Алекса, и он остановится, подождет...

Окликать его не пришлось. Алекс почувствовал ее присутствие. Не доходя до жасминового поля, он остановился и обернулся.

Выражение его лица поразило Кэтлин.

Она почувствовала вдруг такую слабость во всем теле, что вынуждена была остановиться.

– Все хорошо, – сказал Алекс низким, грудным голосом. Его взгляд пробежал по ней – по ее растрепавшимся волосам, развевающейся ночной рубашке без рукавов, комнатным туфлям на босу ногу. Протянув ей навстречу руки, он позвал: – Иди сюда.

И она медленно пошла к нему.

Он смотрел на нее сверху вниз, и, казалось, даже скулы его заострились от напряженного ожидания.

– Да? – спросил он севшим голосом.

Она еле смогла шевельнуть пересохшими губами:

– Да.

Он схватил ее за руки и увлек за собой на жасминовое поле. Кэтлин почти не чувствовала земли под ногами, несмотря на то что подошвы туфель были совсем тонкими. Тяжелый аромат жасмина, лунное серебристое свечение на темных волосах Алекса – каждая деталь воспринималась по отдельности. Но смысл происходящего расплывался.

– У меня больше нет сил ждать, – проговорил Алекс, остановившись и глядя ей в глаза. Его руки уже расстегивали «молнию» на джинсах. – Ради бога! Сними сама сорочку!

Она в некотором смущении смотрела на него. Скулы Алекса еще больше заострились, и она внезапно почувствовала новый приступ страха, как только что на дороге, когда он обернулся к ней.

– Быстрее. – Он как бешеный срывал с себя одежду, по-прежнему не отрывая глаз от ее лица. И вот он уже стоял перед ней совершенно обнаженный. – Я больше не могу терпеть, – сказал он, рывком сдергивая с нее сорочку, которую Кэтлин так и не успела снять, и крепко прижал к себе девушку.

Ее набухшая грудь прижалась к его покрытой темными полосами груди, и Алекс ощутил ее упругость и тепло. Из его горла вырвались какие-то хриплые звуки.

Соски Кэтлин горели, как в огне. И она сама вся была как огонь. И унять этот жар можно было, только еще теснее прижавшись к нему.

Он наклонился к ее соску и приник к нему ртом так, как умирающий от жажды припадает к живительному источнику. Прикосновение его горячего влажного языка чуть не свело ее с ума.

Кэтлин задыхалась. Ее пальцы запутались у него в волосах. Ее бесконечно возбуждала сила его желания.

– Алекс, это... – Она плыла как на волнах и не могла бы сказать, что в эту минуту они делали.

Он не отпустил ее груди даже в тот момент, когда положил ее на землю. И оторвался лишь на миг, чтобы сказать:

– Это не очень удобно, но ты потерпи... – и лег на нее сверху, касаясь ее бедер своими. Его ладони гладили и сжимали ее бедра. Казалось, он трогал ее одновременно и снаружи и внутри. Кэтлин вскрикнула от того, что мускулы непроизвольно сократились. А его пальцы продолжали двигаться в ней равномерными толчками.

– Боже мой! Какая же ты тугая! – пробормотал он. Движения пальцев прекратились, и она почувствовала, как его восставшая плоть уперлась в нее. – Я хочу войти в тебя! – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Сердце ее билось с такой неистовой силой, что было трудно дышать. Руки сомкнулись на его плечах, и она, не в силах более выносить этой муки, попросила:

– Алекс, возьми меня.

И он почти с яростью исполнил ее просьбу.

Тело Кэтлин выгнулось, огонь пробежал по телу волнами неизъяснимого блаженства.

Потом он остановился. Лицо его покраснело. Глаза затуманились выражением какого-то первобытного удовольствия.

– Боже! Как хорошо!

– Не останавливайся! – выдавила она сквозь зубы. Кэтлин, не в силах сдержаться, изгибалась под ним. Тело ее само то поднималось, то опускалось вниз.

– Я боюсь продолжать. – Его глаза закрылись. – Я никогда не испытывал ничего подобного. Мне хочется разорвать те-

бя, мне хочется...

– Мне все равно! – Кэтлин выгнулась навстречу ему. – Двигайся, черт побери!

Судорога прошла по его телу, веки Алекса медленно открылись, глаза невидяще уставились в пространство.

– Я... предупреждал тебя, – его голос походил скорее на рычание.

– Возьми меня.

Кэтлин видела, что он начинает терять контроль над собой. С каждой секундой он все больше напоминал жеребца, который покрывает кобылу. Она чувствовала, как вся напрягается и содрогается, когда Алекс входил в нее. Он подложил ладони под ее ягодицы, приподнимая их при каждом толчке, которые следовали один за другим все быстрее, становясь все более необузданными, отчего у Кэтлин помутилось в голове и перехватило дыхание.

– Кэтлин, дай же, – пробормотал он тяжело дыша. – Мне этого мало! Я хочу продолжать... – Его бедра с силой прижимались к ее бедрам. – Помоги мне...

Она не могла помочь ни ему, ни себе. Она будто со стороны слышала свои собственные короткие, почти сумасшедшие вскрики. Судорога пробежала по телу. И она не в состоянии была думать связно, воспринимая лишь обрывки идущих к ней откуда-то фраз.

Лунная ночь. Земля. Аромат жасмина и мускуса. Алекс.

– Черт! – вырвалось у него, а затем снова что-то неразбор-

чивое.

Но Кэтлин уже вздохнула с облегчением. Напряжение, охватившее ее, спало, закончившись взрывом. Теперь каждый мускул ее тела расслабился. И тотчас же, мгновением позже, она ощутила содрогания Алекса и семя, которое он изверг в нее. И даже после этого он еще долго не мог остановиться. Бедра его продолжали двигаться, и он стискивал ее с прежней силой, не желая выпускать из рук.

«Боже мой! Что же это произошло между нами!» – изумлялась Кэтлин. Она никогда ничего подобного не испытывала. И не представляла, что такое вообще возможно.

Дыхание Алекса наконец начало выравниваться.

– Прости, – сказал он нетвердым голосом. – Я был слишком груб. Но я совсем потерял голову.

– Мы оба потеряли голову. – Она посмотрела на него. – Ты вел себя как дикарь.

– Да, должно быть, сельская обстановка располагает к этому. – Он усмехнулся. – Но вообще-то у меня большая тяга ко всему земному.

– Даже более того. Такое ощущение, что мы оказались в джунглях. И как первобытные люди...

– Но ведь это было хорошо? – Его руки продолжали поглаживать и мягко сжимать ее грудь. В его речи появился незаметный прежде славянский акцент. – У тебя чудесная грудь. Мне хотелось погладить ее с первого же момента, как я увидел тебя. А я тебе понравился?

– О да! – она нервно рассмеялась. И ощутила наконец прохладу земли под собой. Белый жасмин невозмутимо смотрел на них сверху, и лепестки его оставались незапятнанно чистыми. – Рене говорила, что кровать будет помягче, но и земля оказалась неплоха. В конце концов, это самая лучшая земля на свете.

– Ты говорила обо мне с Рене?

Кэтлин покачала головой:

– Она намекала, что я даром теряю время.

Он приподнялся и сел, помогая подняться и ей.

– Ты вела себя как садистка. Еще немного, и я бы повалил тебя на землю на глазах у твоих рабочих. Я рад, что ты наконец поняла. – Он помог ей надеть сорочку и застегнул пуговицы. – Тебе не было больно? Нет? Однако Рене права – кровать гораздо удобнее. Ладно, пойдем домой. Смоешь с себя всю эту землю и... – Он остановился, заметив ее растерянность. – Ты не хочешь? Она нервно облизнула языком губы:

– Скорее, нет.

Он напрягся:

– Не хочешь идти домой или не хочешь идти со мной в постель? Я не всегда такой дикий и необузданный, Кэтлин. Я постараюсь быть нежнее в следующий раз.

– Дело не в этом. Я только хочу, чтобы мы держались... отдельно.

– После всего, что было?

– Мне не хочется, чтобы мама о чем-то догадалась. И вообще будет лучше, если никто ничего не узнает.

– Ты все еще боишься, что я помешаю тебе управлять Вазаро? – Его взгляд изучающе скользил по ее лицу. – Я ведь уже говорил, что не хочу, чтобы наши отношения стали тебе помехой в чем-либо. Если ты собираешься держать меня в стороне от всего, я не возражаю. Отлично.

«Значит, он и в самом деле ни на что не претендует», – с облегчением подумала Кэтлин.

– Так ты не возражаешь, чтобы все шло по-прежнему?

– Я буду возражать, только если проснусь ночью, а тебя не окажется рядом. Я хочу повторять это каждую ночь.

Она ощутила дрожь в бедрах при воспоминании о сумасшествии, которому они предавались за несколько минут до того.

– Вот увидишь, я что-нибудь придумаю.

Она нахмурилась:

– Не представляю, как мы это устроим...

– Будь спокойна, я все возьму на себя.

Кэтлин мысленно представила все те трудности, которые ожидали их в будущем.

– Мы можем забыть о том, что произошло, – произнесла она трезво. – Это будет самое разумное...

– Нет! – ответил Алекс. – Я уже сказал тебе, что все улажу. Это нужно нам обоим. – Он зарылся лицом в ее волосы, и его голос звучал приглушенно: – Я сделаю так, что тебе не

придется ни о чем тревожиться. – Он помолчал. – Я не смог предохраниться. Это ничего?

Боже мой! Она совершенно забыла! Дура! Какая дура! Как она могла забыть о том, что можно забеременеть? После возвращения из университета она напрочь забыла о таких вещах, как контрацептивы.

– Кэтлин?

– Все хорошо. Не волнуйся. – Теперь придется принимать меры, чтобы все обошлось. Наивный Алекс решил, что двадцатипятилетняя женщина, выходя из дома следом за мужчиной, сообразит, что ей надо принять таблетку.

– Ты уверена?

– Да, да.

– Хорошо. – Он снова, на этот раз нежно, уложил ее на землю, поднял сорочку выше талии, и его пальцы начали поглаживать завитки волос на лоне. – Если уж ты вознамерилась забыть наши «джунгли», то должен же я еще раз удовлетворить свой примитивный инстинкт.

На следующий день Алекс не присоединился к ним, когда начались работы в поле. В восемь утра Кэтлин увидела, как его спортивная машина скользнула вниз по дороге по направлению к Каннам.

– Что это он надумал? – Рене проследила за ее взглядом. Кэтлин попробовала казаться безучастной:

– Откуда мне знать?

– Может быть, ты слишком затянула игру? – Рене попы-

талась заглянуть в лицо Кэтлин, но та быстро отвернулась. – Если мужчина не получил того, чего хотел, от одной женщины, то всегда найдутся другие, согласные принять условия его игры. Думаю, из города он вернется в хорошем настроении.

– Мне нет до этого дела... – Но Кэтлин вдруг поняла, что ее задел этот неожиданный отъезд и шуточка Рене царапнула сердце. Что ему нужно? Прошлой ночью она дала ему все, что он хотел. И даже больше того. Они не возвращались домой чуть ли не до самого утра. Теперь, удовлетворив свою чувственность, он перестал нуждаться в ее обществе и решил заняться собственными делами. Кэтлин знала, что этого и следовало ожидать. Мужчины быстро пресыщаются. Именно так закончились отношения между се отцом и матерью.

Ну что ж, она тоже взяла свое и ей не на что жаловаться. Но все же Алекс мог бы предупредить ее, что не выйдет сегодня в поле.

Алекс сменил деловой костюм на рабочий и сидел на платформе, болтая с Жаком, когда Кэтлин принесла свою последнюю корзину. Он улыбнулся ей.

– Привет!

– Привет! – Она старалась сохранить безучастный вид, опрокидывая собранные цветы.

– Идем со мной! – Алекс спрыгнул с платформы и подошел к ней с другой стороны, где их не видели.

– Мне не до того, – сдержанно ответила она, пытаясь вы-

свободить руку.

– Ты зря рассердилась, – он потянул ее за собой, слегка понизив голос, чтобы другие не услышали, о чем они говорят. – Решила, что я тут же забыл о тебе и занялся своими делами?

– Не будь смешным. У меня нет права сердиться на тебя. Мы оба знаем, что нас свело вместе.

– Нет, право у тебя есть. – Он обнял ее за плечи. – Я обещал тебе быть заботливым и не собираюсь обманывать твоих ожиданий. – Улыбнувшись, он слегка встряхнул ее. – Хватит дуться, идем, посмотришь, что я сделал.

Она ощутила знакомый запах и почувствовала, что готова идти за ним хоть на край света – то же самое, что она испытала и вчера.

– Куда?

– В «Приют цветов».

Кэтлин остановилась на пороге в полном изумлении от перемены, произошедшей в доме. Он весь сиял чистотой.

Голубые глаза Алекса светились чисто мальчишеской радостью от того, что он заставил ее удивиться. Увлеченно жестикулируя, он рассказывал:

– Я вымыл здесь все, вычистил всю дрянь, съездил в Канны и купил льняное белье. – Он кивнул в сторону накрахмаленного нового постельного белья, покрывавшего широкий матрас на полу в центре комнаты. – А здесь вино со льдом. – Он кивнул на небольшой контейнер у стены и доба-

вил, усмехнувшись: – Мне удалось вынуть гнездо, что свили птицы в дымоходе, так что теперь можно по ночам, если будет прохладно, разводить огонь в камине.

Она, не веря своим глазам, оглядывала комнату. Нигде ни пылинки. Все вымыто и вычищено.

– Да! Тебе пришлось потрудиться. Но...

– Я же тебе сказал, что беру все на себя, – ответил он. – Ты как-то обмолвилась, что сюда никто не ходит, следовательно, никто и не узнает о наших встречах. Твое Вазаро остается при тебе, а ты – при мне. – Он нежным движением отвел прядь волос с ее лица. – Теперь нам есть где уединиться. Прекрасное решение, не так ли?

«У него ушел не один час, и ему пришлось порядком потрудиться, чтобы привести домик в порядок. Вот где он провел так много времени!» – догадалась она. И все делал один, понимая, что Кэтлин не захочет афишировать их отношения. Он обещал быть заботливым, щедрым и великодушным. И он исполнил свое обещание.

– Я выбрал чистые и гладкие простыни. – Он смотрел ей прямо в глаза. – Потому что люблю простоту и ясность во всем. Я не из тех мужчин, кто усыпает любовное ложе розовыми цветами. Надеюсь, ты понимаешь меня?

На миг ее кольнуло сожаление, но она тут же поспешила отогнать его прочь. Да, он не любит красивых жестов. Но ведь и она тоже. И связывает их не романтическая любовь, а нечто совсем другое.

Она вошла в объятия Алекса так естественно, как если бы делала это уже тысячу раз. Прижавшись к его груди, она сказала:

– Мне тоже всегда казалось, что Филипп перестарался, устраивая это любовное гнездышко. Обычно женщин больше интересует, кто лежит с ними рядом, чем то, что находится под ними.

– Я выйду первой, – проговорила Кэтлин, застегивая блузку и заправляя в джинсы. – Ты выходи не раньше чем через десять-пятнадцать минут после меня.

Он открыл перед ней дверь и легко коснулся губами ее щеки.

– Но за ужином я смогу увидеть тебя?

Она покачала головой:

– Нет, я пойду в лабораторию.

– Зачем?

– Танцующий Ветер. Из-за того, что я все последние дни ходила сюда, я смогла только два раза поработать с ним.

– Как приятно, что у меня такой могущественный соперник. Но для чего ты занимаешься им? Как ты собираешься использовать свои знания?

– Тебя это не касается, – почти свирепо ответила она.

Ну вот опять. Как только он упомянул про Танцующий Ветер, она замкнулась и смотрела на него с подозрительностью жрицы, охранявшей священный огонь при храме. Алекс задумчиво следил за тем, как Кэтлин быстрым шагом

удалялась от «Приюта» вверх по склону холма. Интересно, чем объяснить ее странное увлечение Танцующим Ветром? Оно похоже на манию. Всю эту неделю они встречались в «Приюте», утоляя голод влечения. Теперь, как он ожидал, желание постепенно должно было идти на спад. Но их влекло друг к другу с той же силой, как и в первую ночь на жасминовом поле. Его желание и жажда обладать Кэтлин не только не прошли, с каждым разом он хотел ее все больше. Но это было не все – теперь ему хотелось понять ее.

Вначале он думал, что она такая, какой кажется: вполне земная, бесхитростная женщина, которая делает все для спасения своего любимого Вазаро и людей, которые с ним связаны. Потом он увидел, какая она порывистая и эмоциональная. Насколько она страстная натура, хотя умеет держать себя в руках. Частенько она проявляла чувство юмора, которое удивляло его. Для Катрин она была скорее заботливой матерью, чем дочерью. С Жаком ее связывали тесные узы, но в его отношении к ней не было ничего отцовского, покровительственного – они были на равных. Каждый день Алекс открывал еще какую-то грань ее богатой природы. И ему хотелось узнать, что же таится в самой глубине.

С каждым днем она становилась все ближе и дороже ему. И это его тревожило. Вместо того чтобы успокоиться и отвлечься от своих проблем, он, кажется, попал в свою же собственную ловушку.

Алекс вышел из коттеджа и закрыл за собой дверь. Под-

нимаясь на холм, он упорно пытался найти какой-нибудь выход.

Все дело в Вазаро!

Здесь они вместе работают на поле, сидят за одним столом за обедом и ужином. Физическая близость еще более заставляет его постоянно думать о Кэтлин. Значит, выход в том, чтобы вырваться из этого места. Когда они окажутся в другой ситуации, когда вокруг будет много людей и будет кипеть работа, он избавится от наваждения и она уже не будет значить для него так много.

Кэтлин стояла на коленях перед голографическим изображением. Он едва смог различить ее темный силуэт в потемках. Луч одного из проекторов высветил каштановый завиток, когда она обернулась на его шаги.

Алекс почувствовал неловкость, как будто и в самом деле помешал таинству. Вот это он и имел в виду, мысленно сравнивая ее со жрицей, охраняющей священный огонь.

– Зачем ты пришел сюда? – Кэтлин опустила бинокюляры. – Я же предупредила, что не хочу видеть тебя сегодня.

– Твое божество будет недовольно? – Алекс пытался за насмешкой скрыть неловкость.

– Не иронизируй, – нетерпеливо проговорила она. – Уходи или становись тут на коленях, рядом со мной, и не мешай.

Он медленно пересек лабораторию и встал на колени перед пьедесталом. – Так?

Она протянула ему бинокюляры.

– Вглядишься в основание статуэтки. Как тебе кажется, основание сделано из того же самого золота, что и сама статуэтка, или нет?

Он принялся внимательно рассматривать основание.

– Так из того же или нет?

– Если и не из того же, то из очень сходного. Ты ведь у нас эксперт по древностям, а не я.

– Я не могу ответить, – голос ее звучал подавленно. – У меня так мало сведений. Только дневник Катрин и книга Лили Андреас, написанная в двадцатые годы. В семье Андреас есть пара тетрадей, которые помогли бы мне продвинуться: большая часть сведений, приведенных там, никогда не публиковалась.

Кэтлин протянула руку к голограмме.

– Если бы у меня было хорошее оборудование! А еще лучше увидеть саму статуэтку.

Алекс улыбнулся:

– Может, я смогу помочь тебе в этом?

Кэтлин обернулась и посмотрела на него. В рассеянном свете проекторов в ее глазах отражался Танцующий Ветер. Как странно было видеть отблеск божественной мощи и красоты в глазах смертной женщины. Возможно, и она видела в глазах Алекса то же самое отражение. Словно на краткий миг величие древней загадки коснулось их обоих.

– Мне не до шуток, Алекс, – нетерпеливо отозвалась Кэтлин. – Ты не представляешь, как это важно.

– Вижу. – Алекс взял у нее из рук пульт дистанционного управления. – Но раз тебе так хочется посмотреть подлинник, значит, надо на него посмотреть.

Он выключил проектор, и Танцующий Ветер исчез из глаз Кэтлин. Алекс вскочил на ноги и весело скомандовал:

– Укладывай чемодан. Рассчитывай дней на пять. Не знаю точно, сколько все это займет, но не меньше пяти дней. А если понадобится, то мы всегда сможем купить все, что...

– Укладывать чемоданы? Зачем?!

– Мы едем в Соединенные Штаты. У тебя, паспорт в порядке?

– Думаю, да. Нужно посмотреть.

– Мы оформим все нужное в Ницце. Ты сумеешь заказать билеты по телефону? Я сейчас займусь тем, что буду звонить своим агентам. Мы начинаем подготовку к рекламной кампании твоих духов.

– Это из-за нее такой переполох? Он кивнул:

– У нас есть отличный ключик, чтобы толкнуть твои духи на рынок.

– И этот ключик находится в Штатах?

– В Южной Каролине, если точнее. – Он улыбнулся. – Танцующий Ветер.

Ее глаза широко распахнулись от удивления.

– Ты хочешь уговорить семью Андреас позволить использовать Танцующий Ветер в рекламе?

– А ты могла бы придумать более романтичный и при-

влекательный символ?

– Нет, – ответила она. – Но из этого ничего не выйдет.

– Почему? Ты состоишь в отдаленном родстве с Андреа-сами. Это дает повод для визита. Остальное я беру на себя.

– Чем мы можем их заинтересовать? Деньги им не нужны – это точно. – Кэтлин покусывала нижнюю губу. – Они никогда не позволят вывезти Танцующий Ветер за пределы Штатов, чтобы не повторилось то, что произошло в начале Второй мировой войны. Когда он оказался в руках нацистов. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты считаешь, что нам необходимо ездить с ним по всему миру?

– По крайней мере по Европе. С остановкой в Париже.

Она поморщилась:

– Если ты думаешь, что Андреасы способны испытывать родственные чувства, то глубоко ошибаешься. Почему, как ты считаешь, я ни разу не обращалась к ним, хотя столько времени посвятила изучению Танцующего Ветра? Это моя бабушка уговорила отца Джонатана сдать Танцующий Ветер в Лувр. Когда шедевр пропал после прихода нацистов, Андреасы обрушились с яростными обвинениями, что во всем виноваты обитатели Вазаро.

– Это случилось пятьдесят лет тому назад.

– Ничего. У них долгая память.

– Посмотрим. – Он взял ее за руку и повел к двери. – Во всяком случае, мы должны попытаться.

– Ты в самом деле считаешь, что без Танцующего Истра

нам не обойтись?

– А ты представляешь себе, в какую сумму может вылиться рекламная кампания новых духов? Десять-пятнадцать миллионов долларов. Не меньше.

Она резко выдохнула всей грудью:

– У тебя столько денег?

– Эта сумма у меня имеется. Но если повезет и нам удастся уговорить Андреаса, мы сможем отделаться меньшим. Танцующий Ветер – это уже реклама. Нам не потребуется самим создавать вокруг духов ореол таинственности.

– Таинственности? – улыбнулась она. – Ты знаешь, как лучше всего привлечь внимание к духам.

– Вычитал в твоих книгах. – Он остановился, пропуская ее в дверь. – Но я обещаю, что буду знать в сто раз больше, когда мы доберемся до Чарльстона.

Ее улыбка погасла.

– Если реклама стоит так дорого, то сможем ли мы получить хоть какой-то доход от продажи духов?

– Сколько стоит унция твоих духов?

– Около двадцати долларов. Мы используем самые высококачественные масла и ингредиенты.

Он усмехнулся:

– Тогда прибыль будет. Мы будем продавать по две Сотни долларов за унцию.

– Это слишком много, – пораженная, ответила она. – Это больше, чем за «Опиум»...

– Но у тебя хорошие духи?

– Это «Вазаро», – просто ответила она.

Алекс усмехнулся:

– Значит, классика. А такие духи дают пятьдесят миллионов долларов в год.

– Я еще никогда не видела тебя таким, – изумленно сказала она.

– Это потому, что ты еще не видела меня в деле. Я настоящий аналитик и умею разрешать трудные задачи. Теперь мне есть чем заняться, – пробормотал он. – На этот раз надолго.

– Тебя и в самом деле все это увлекает? Кажется, ты с удовольствием занялся этим?

Он пожал плечами:

– Это помогает мне ощутить, что я жив и что кому-то нужен. – Он взял ее за локоть. – Если нет прямого самолета до Чарльстона, закажи ночной рейс на Нью-Йорк. Дай все нужные распоряжения Жаку и попрощайся с мамой.

– Об этом я и сама догадалась бы, – сухо ответила она.

– Прости. Я забыл, что это святое.

– Почему ты все время подшучиваешь надо мной и над моим отношением к Вазаро? В сущности, у нас с тобой гораздо больше общего, чем я думала.

Глядя на ее оживленное лицо, он понял, что угодил в собственные сети. Это уже не просто секс, а... Он не мог подобрать нужного слова, ощущая лишь жгучее желание прикоснуться к ее губам.

Нежность.

Он отвернулся, так и не исполнив своего желания.

– Прихвати копию своего доклада о Танцующем Ветре. Возможно, она поможет восполнить кое-какие пробелы в истории семьи Андреас. Мы должны использовать любое свое преимущество, если хотим, чтобы они позволили нам превратить Танцующий Ветер в золотой ключик к успеху.

– Что это? – Кэтлин с любопытством смотрела на ворох бумаг, лежавший на столике перед Алексом. – То, что передал тебе человек в аэропорту?

– Вырезки из американских газет за последние полгода. Мне хочется узнать, насколько подробно они писали кражах шедевров мирового искусства в Европе, если газеты подняли большой шум по этому поводу, боюсь, Андреас не рискнет доверить нам Танцующий Ветер. – Алекс принялся складывать вырезки в конверт, на ходу бегло просматривая их.

Разговор прервала стюардесса, предложившая им по чашке кофе. Алекс, поблагодарив девушку вежливой улыбкой, вновь обернулся к Кэтлин:

– Нам не везет. Самые сенсационные сообщения связаны именно с кражей шедевров.

– Что же ты хочешь? Все-таки пропала «Мона Лиза», а не что-нибудь другое. Нет никакой надежды разыскать ее после того, что произошло.

– Эти террористы из «Черной Медины» как-то задевают тебя?

– Разумеется, после этого перестаешь чувствовать себя и безопасности.

– Интересно. Ты так далека от всего в своем Вазаро, что тебе могли бы позавидовать девять десятых населения Европы. И все равно ты боишься и сердишься. А как же должны себя чувствовать люди, не имеющие ни таких прекрасных холмов, ни полей, где они могут уединиться?

– Не знаю. А почему это тебя так занимает?

– Я только...

– Любопытен... – усмехнулась она. – Напомни мне рассказать тебе сказку о кошке, которую погубило любопытство.

– Я это уже слышал однажды, – мрачно ответил он.

Ее веселое настроение вмиг улетучилось, когда она увидела выражение его лица. Чем-то она очень больно задела его. Под маской безразличия таилось страдание, и Кэтлин вдруг почувствовала острую жалость. Она смотрела, как за иллюминатором сгущаются сумерки, пытаясь придумать, как бы отвлечь его.

– Я рада, что им не пришло в голову стащить «Мальчика в поле», который находился в том же зале, что и «Мона Лиза».

– «Мальчик в поле»? Что-то не могу припомнить такой работы. Кто написал ее?

– Полотно не подписано. Но оно принадлежит кисти Жюльетты Андреас – прапрабабушки Джонатана Андреаса. Возможно, не мешало бы прибавить еще одно «пра», но и по-

стоянно в них путаюсь. – Она нахмурилась.

– Если оно не подписано, откуда тебе известно, что оно принадлежит Жюльетте Андреас?

– Из дневника Катрин. Жюльетта оставила свои работы в Вазаро, когда уехала в Штаты. Она была очень талантлива. Но в те времена существовало предубеждение против женщин-художников. И в Лувр ей бы, конечно, не удалось попасть. – Кэтлин откинулась на спинку кресла. – Тогда Катрин решила взять дело в свои руки. Большинство шедевров из Версаля были куплены Лувром к 1793 году. Но во времена террора царила такая путаница, что Катрин решила «пристроить» работы Жюльетты.

На лице Алекса промелькнула улыбка сомнения.

– Что-то не верится.

– Но это правда. Каким-то образом она и Франсуа смогли разместить полотна Жюльетты в одном из королевских покоев в Версале. А потом сделали так, чтобы на них обратили внимание национальные гвардейцы. Их перевезли в Лувр вместе с другими шедеврами. Как только безымянные полотна оказались в такой престижной компании, их тут же, как она правильно рассчитала, сочли произведением замечательного мастера.

– И теперь картины Жюльетты Андреас висят в Лувре рядом с работами гениальных художников. – Алекс глубокомысленно смотрел в свою чашку. – Семья Андреас знает о существовании этих картин?

– Наверное. Катрин упоминала, что написала об этом Жюльетте.

– Они должны с любовью вспоминать Катрин, если так оно и есть.

– Прочитай дневник.

– Придется. – Он поднял на нее глаза. – Напомни при случае эту историю, когда мы будем у Андреасов.

– Слишком много воды утекло с тех пор. Все это относится к 1797 году.

– Ты же сама сказала, что у них долгая память. – Он допил свой кофе. – Во всяком случае, мы должны попытаться сыграть на этом.

Кэтлин почувствовала, что боль отпустила Алекса. Может быть, помогла рассказанная ею история, во всяком случае, она надеялась, что это именно так.

Его пальцы сплелись с ее пальцами.

– Попытайся немного поспать. Нам предстоит четыре часа лета до Нью-Йорка и еще два – до Чарльстона. Ты будешь совершенно измотанной, когда мы доберемся до Андреасов.

– Боюсь, что мне не удастся заснуть. Я слишком взволнована. До сих пор не верится, что он согласился принять нас.

– Встреча назначена на завтра. На три часа. Я уже звонил Андреасу и связался с его личным секретарем Питером Масквелом. – Он покачал головой. – Это оказалось на удивление просто. Как только Масквел услышал твое имя, он, по-моему, чуть со стула не свалился.

– Все раскручивается так стремительно...

– И будет раскручиваться еще стремительнее, как только мы получим «добро» от Андреаса.

– Я знаю, что мы не делаем ничего дурного, но почему-то это все равно коробит меня. – Она тревожно улыбнулась. – Наверное, потому, что я мало смыслю в такого рода делах. То ли дело – цветочные грядки или моя лаборатория.

Он улыбнулся ободряюще.

– Что тебя, собственно, смущает? Не забывай, что вы с Андреасом кузены.

– Слишком много всего сразу. Танцующий Ветер, мои духи, Вазаро...

– Ну хорошо, если ты чувствуешь, что все равно не сможешь заснуть, тогда расскажи мне какую-нибудь историю из твоих семейных хроник.

Она с сомнением посмотрела на него:

– Тебе в самом деле интересно? Алекс мягко сжал ее руку.

– Конечно. Только выбери что-нибудь наиболее скандальное и примечательное из дневника Катрин.

Она откинулась в кресле:

– Катрин начала вести записи в дневнике, когда оказалась в Королевском аббатстве. На первой странице стоит дата: 2 сентября 1792 года...

5

– Я Питер Масквел. Мисс Вазаро с вами? – В голосе мужчины звучали нотки радостного мальчишеского нетерпения, которое не могло заглушить переговорное устройство.

Алекс с некоторым удивлением посмотрел на Кэтлин, сидевшую рядом с ним на пассажирском сиденье.

– Она здесь, рядом со мной.

– Сейчас я открою ворота и встречу вас у входа. Не выходите из машины, пока не подъедете к самому дому. – П слышался щелчок, и железные ворота медленно отворились.

Темно-синий автомобиль, который Алекс взял напрокат, тронулся с места.

– Он бы точно выставил меня, если бы я сказал, что ты осталась в Вазаро. Ты уверена, что никогда не встречалась с ним? В его голосе слышалась такая неподдельная радость.

– Даже не слышала о таком.

Высокие створки ворот сомкнулись, как только машина проехала мимо.

– У меня такое ощущение, будто я вторглась на территорию какой-то сверхсекретной тюрьмы, – заметила Кэтлин. – Не хватает только каких-нибудь кровожадных тварей во круг.

– Почему же не хватает. А доберманы?

– Что?

– Шесть доберманов охраняют территорию, поэтому Масквел и предупредил нас, чтобы мы не выходили из автомобиля, пока не подъедем к дому.

Дорога свернула, и перед ними предстал огромный кирпичный дом с белоснежными колоннами.

– Весьма впечатляет. Аристократы-южане любили пустить пыль в глаза.

Разворачивая машину, Алекс заметил, что широкие двойные двери распахнулись и на пороге появился стройный мужчина.

– Должно быть, это Масквел. Он может оказаться чрезвычайно полезным нам.

– Каким образом?

– Он работает у Андреаса восемнадцать лет. Тот ему полностью доверяет. – Алекс внимательно всматривался в человека, спускавшегося по ступенькам вниз. – Они оба закончили Йельский университет. Масквел из шахтерской семьи, но ему дали стипендию. Что-то было еще... а, вспомнил: у него неважно с сердцем. Он перенес три операции, одну за другой, пять лет назад.

– Он не производит впечатление больного человека.

Питер Масквел был чуть выше среднего роста и, хотя не обладал мощными бицепсами, выглядел довольно крепким. Здоровый ровный загар покрывал его лицо. На нем была легкая водолазка и слаксы. Красиво подстриженные каштановые волосы блестели на солнце. Черты его лица можно было

бы назвать скорее ничем не примечательными, если бы не широко поставленные, необыкновенно живые карие глаза, в которых светился ум.

– Он, конечно, не инвалид, просто ему надо следить за собой. – Алекс припарковал машину и выключил зажигание. Обернувшись к Кэтлин, он ободряюще улыбнулся ей. – Не нервничай. Мы получим то, за чем приехали.

– Мне с трудом удается держать себя в руках. – Она одернула юбку. – Как я выгляжу?

Алекс посмотрел на ее строгий темно-синий костюм.

– Замечательно!

Кэтлин слегка поморщилась:

– Мама вряд ли одобрила бы мой наряд. Я купила этот костюм пять лет назад.

– Едва ли Андреас станет обращать внимание на то, как ты одета. – Алекс распахнул дверцу и ступил на дорожку. – Ладно, идем покорять его сердце.

– Мистер Каразов? – Питер вежливо кивнул Алексу, открывая дверцу и помогая выйти Кэтлин. – Я Питер Масквел. – Он с настойчивым интересом рассматривал Кэтлин. – А вы, конечно, Кэтлин Вазаро. Как я давно мечтал встретиться с вами!

Кэтлин в замешательстве подняла на него глаза.

– Рада познакомиться с вами, мистер Масквел.

– Питер, – улыбнулся он. – Надеюсь, мы станем друзьями. Я читал тезисы вашего доклада, которые легли в основу

докторской диссертации Божоли. Это блестящие догадки, и все очень убедительно изложено. Надеюсь, что мне удастся воспользоваться нашим знакомством.

– Воспользоваться?

Он захлопнул дверцу:

– У вас есть дневник Катрин Вазаро. А у меня – дневники Катерины Андреас и Санчии Андреас. Я никогда не читал вашего, а вы тех, что есть у меня. Видите ли, я даже не представлял...

– Подождите. – Кэтлин подняла руки, пытаясь остановить поток слов. – Каким образом получилось, что вы оказались владельцем дневников семьи Андреас?

Он непонимающе посмотрел на нее:

– Разумеется, они принадлежат Джонатану. Но я столько работал с ними, что воспринимаю их как свои. В прошлом году я собирался позвонить вам и попросить сделать копию дневника Катрин, разумеется, за мой счет, и отправить его сюда.

– Вряд ли бы я согласилась. Содержание дневника связано с историей нашей семьи. Это очень личное.

Он прищурился:

– Именно этого я и боялся. Вот почему не отправил письма с такой просьбой. Но в тех дневниках, что хранятся в семье Андреас, тоже много интимных сведений, много семейных тайн.

– А почему вас так заинтересовал дневник Катрин Вазаро?

ро?

– Ваши семьи издавна связаны родственными узами. Но, думаю, причина моего интереса связана с Танцующим Ветром. Я столько времени провел с ним, что у меня, вполне естественно, возникло желание узнать как можно больше о том, откуда и как он появился. – Доверчивая улыбка озарила его черты, и теперь уже никто не осмелился бы назвать их невыразительными. – Одно тянет за собой другое. Никого из моих родных не осталось в живых, и теперь семья Джонатана, не исключая и его предков, стала как бы моей. – Он нахмурился, размышляя вслух. – К тому же я надеюсь найти там хоть какое-то упоминание о непонятной надписи у основания статуэтки.

Кэтлин насторожилась:

– О надписи?

– Вы же знаете, что ее до сих пор так и не удалось расшифровать.

– Да, конечно, но я...

– Простите, что перебиваю вас, – вмешался Алекс. – Но мне кажется, что вы можете продолжить обсуждение и попозже. Не хотелось бы заставлять ждать мистера Андреаса.

Питер кивнул:

– Джонатан у себя в кабинете. – И, придерживая под руку Кэтлин, он начал подниматься по ступенькам. – Я начал разбирать дневники только в надежде найти там сведения о Танцующем Ветре. – Они шли через холл по начищенному

до блеска дубовому паркету. – И в прошлом году я наткнулся на упоминание о дневнике Катрин Вазаро.

Кэтлин поймала удивленный взгляд Алекса, обращенный на Питера. Она догадалась, что его воодушевление Алекс воспринял как своеобразное ребячество. И в то же время Питер производил впечатление достаточно умудренного жизнью человека. Сам по себе он вызывал у нее симпатию, но его энтузиазм начал раздражать, поскольку она невольно позавидовала ему. В его распоряжении находились два ранних дневника, не говоря уж о том, что он мог в любое время прийти и посмотреть на Танцующий Ветер, – и ему все равно было мало. Он хотел еще больше.

Питер остановился перед дверью красного дерева.

– Мы могли бы вернуться к нашему разговору попозже? – мягко спросил он. – Мне в самом деле необходимо ознакомиться с вашими записками.

– Ничего не могу обещать, но мы непременно поговорим об этом позже.

– Уже хорошо. – Он улыбнулся ей и распахнул двери. – Мистер Каразов и мисс Вазаро. – Он отступил, пропуская их в кабинет, и закрыл за ними дверь.

Джонатан Андреас поразил Кэтлин своей мощью. Выше шести футов роста, с массивными плечами и широкой грудью, которая могла принадлежать какому-нибудь молотобойцу, а не владельцу поместья. Его рот, нос, широкие скулы, казалось, были высечены из камня. Густые брови, что

нависали над глазами, были не просто темными, а скорее черными. На висках в таких же темных волосах пробивалась легкая седина, но он не выглядел старше своих сорока лет. Одет он был с той же небрежной простотой, что и Питер: в голубую хлопчатобумажную водолазку, черные слаксы и домашние туфли.

Улыбка озарила его лицо, обозначив веселые морщинки у глаз, когда он двинулся им навстречу. Кэтлин заворожено смотрела на него. Он не производил впечатление красавца. Но в нем было нечто такое...

– Мисс Вазаро. – Он взял ее руку в свою, ласково сжал, и у Кэтлин тотчас появилось ощущение, будто на все снизошло глубокое чувство покоя и уверенности. – Надеюсь, вы позволите мне называть вас Кэтлин. Не знаю, зачем вы пожаловали, но я рад, что вы решились наконец приехать к нам в гости. Всю жизнь я столько слышал о Вазаро. И вот наконец мы встретились.

Внезапно она поняла секрет его обаяния. Он излучал такую доброжелательность, которая порождала невольное чувство уверенности. Казалось, ничего плохого не может произойти, пока Джонатан рядом. Никогда еще ничье присутствие не действовало на Кэтлин так успокаивающе.

Она улыбнулась:

– Я не была уверена, что меня примут с радостью, памятуя о том, что мне доводилось слышать. Мне известно, каким образом пропал в сороковых годах Танцующий Ветер и как

гневался по этому поводу ваш отец.

– Он и по сей день сердится. – Черные глаза Джонатана сверкнули. – Вот почему я всего лишь слышал о семействе Вазаро. – Он отпустил наконец ее руку и показал на два коричневых кожаных кресла перед огромным столом розоватого цвета, выполненным из дерева какого-то тропического происхождения. – Прошу садиться. Наверное, Питер сразу налетел на вас, еще не успев толком познакомиться?

– Было дело, – признался сам Питер, устраиваясь на небольшом диване, тоже обтянутом кожей, в то время как гости расположились в креслах. – Но мистер Каразов вовремя остановил меня, не дожидаясь, когда я успею надоесть окончательно.

– Мистер Каразов, – повернулся к Алексу Андреас, – простите, что мы были несколько невежливы, начав разговор со своих семейных дел, но, согласитесь, нечасто выпадает возможность загладить трещины, что разделяли семьи более пятидесяти лет.

– Мне понятны ваши чувства, – кивнул Алекс. – И я вижу, что вы и в самом деле готовы идти навстречу и забыть старые разногласия.

В сердечности Андреаса тотчас появился еле заметный оттенок настороженности, который Кэтлин сразу же уловила.

– Вы предупредили Питера, что у вас деловой визит. – Андреас повернулся в сторону Кэтлин: – Это связано с Вазаро? Она кивнула:

– Да, мы рассчитываем на вашу помощь. – Она указала на Алекса. – Если вы не возражаете, мне бы хотелось, чтобы мой деловой партнер изложил суть дела.

– И на что же вы рассчитываете? – обратился к нему Андреас.

– Что вы одолжите нам на время Танцующий Ветер, – коротко ответил Алекс.

Кэтлин услышала, как Питер Масквел что-то пробормотал, но не могла отвести глаз от Андреаса и Алекса. Джонатан усмехнулся:

– Вы, должно быть, шутите?

– Мы хотели попросить его у вас на очень короткий срок. Не более чем на шесть месяцев. Кэтлин удалось создать неповторимые духи. Чтобы привлечь к ним внимание...

– То есть вы хотите использовать Танцующий Ветер в качестве рекламной приманки? – прервал его Андреас. – Так поступает большая часть предпринимателей. Думаете, вы первым обратились ко мне с таким предложением?

– Но это особый случай, – спокойно отозвался Алекс. – Мисс Вазаро может потерять фамильную собственность, если духи не будут пользоваться успехом. А ведь она ваша родственница.

– Весьма отдаленная.

– И все же я склонен считать, что это не имеет особого значения. Вы всегда печетесь о семейных интересах, – продолжал все с той же интонацией Алекс. – И мы не собира-

емся вечно эксплуатировать Танцующий Ветер. Небольшой тур по Европе, чуть больше – по Штатам, после чего статуетка будет возвращена вам.

– С чего вы взяли, что я соглашусь на это?

– Я уже сказал: вы стоите на страже фамильных интересов, – улыбнулся Алекс. – Кроме того, я намерен предложить вам шесть процентов прибыли из моих двадцати, пяти в течение пяти лет. А прибыль в случае успешной рекламной кампании ожидается где-то около трехсот миллионов долларов.

Андреас оперся грудью о стол:

– Даже если я и соглашусь помочь вам, вопрос о рекламной поездке с Танцующим Ветром по Европе исключается.

Алекс понимающе кивнул:

– Да, воры не дремлют. Но обещаю вам, что, если вы доверите нам свое сокровище, оно будет в целости и сохранности. Я сумею обеспечить самую лучшую охрану, какая только возможна. Более того, вся рекламная кампания могла бы проходить под вашим личным наблюдением.

Андреас засмеялся, словно не верил собственным ушам.

– Вы собираетесь отправить меня по Европе с Танцующим Ветром? Я слишком занятой человек для этого, мистер Каразов.

– Зато вы могли бы чувствовать полную уверенность в его сохранности. Это ведь в ваших интересах.

Последняя фраза прозвучала с таким страстным вооду-

шевением, что это заставило Андреаса еще более внимательно всмотреться в лицо Алекса.

– Вы хотели еще что-то сказать?

– Я уже сказал, что хотел.

– Этого недостаточного, чтобы убедить меня. – Он повернулся к Кэтлин. – Мне жаль, но риск слишком велик.

Кэтлин почувствовала, как рушатся ее надежды. Впрочем, этого следовало ожидать.

– Мне бы хотелось познакомить вас с планом нашей рекламной кампании. – Алекс щелкнул замками кейса. – Сразу после возвращения я бы нашел дизайнера, который занялся бы разработкой формы флакона и коробки. Мне кажется, что пробка должна стать миниатюрным повторением Пегаса – из матового хрусталя баккара. – Он вынул пачку листов с рисунками и фотографиями. – Второй гвоздь, на котором держится любая рекламная кампания, – это участие какой-нибудь знаменитости типа Элизабет Тейлор или Барышникова. – Он поднялся и подошел к столу Андреаса. – Вот несколько фотографий актрис, которые могли бы представлять наши духи.

Андреас помедлил, прежде чем взять у него из рук пачку бумаг. Кэтлин наблюдала за тем, как он раскладывает фотографии перед собой на столе. Было совершенно очевидно, что он уже твердо решил отказать им и медлил только из вежливости. И еще она видела, что Алекс не собирается сдаваться. На лице его появилось знакомое ей упрямое вы-

ражение.

– Нам требуется не просто красивое личико. Оно должно быть умным, глубоким, обаятельным. И в представлении публики эта кинозвезда должна быть не просто воплощением секс-символа. – Тон Алекса звучал достаточно безразлично. – Мой личный выбор пал на Челси Бенедикт. Мне всегда нравились картины, в которых она снималась. Впрочем, есть и другие кандидатуры. Например, Глен Клоус...

– Челси Бенедикт? – переспросил Андреас, не поднимая глаз от фотографий актрис.

– Я согласен, что она вызывает много споров. Но ее достоинства, несомненно, перевешивают ее недостатки.

Андреас поднял глаза, и Кэтлин поразила внезапная холодность его взгляда.

– Я вижу, вы продумали план вашей рекламной кампании самым подробнейшим образом...

– Это всего лишь примерный план. Но мне не хотелось идти к вам с пустыми руками. Много, конечно, еще не доработано, но... – Алекс улыбнулся. – Не отказывайтесь сразу. Если вам понадобятся дополнительные сведения, мы еще пробудем пару дней в отеле в Чарльстоне.

– Я подумую. Вы очень умный человек, мистер Каразов. Думаю, Кэтлин даже не догадывается, насколько вы предусмотрительный человек.

Настороженность промелькнула в выражении лица Алекса.

– Прошу прощения?

– Когда вы назначили мне встречу, я попросил Питера связаться с моим старым другом, который входит в совет по финансированию Агентства национальной безопасности, чтобы побольше разузнать о вас.

– Неужто самый обычный деловой визит требует такой подготовки?

Легкая улыбка скользнула по губам Андреаса.

– Вы говорили о моей репутации защитника семейных интересов. Так оно и есть. И мне не по душе, если вдруг моя – пусть и дальняя – родственница окажется орудием в руках какого-нибудь проходимца.

– Алекс не проходимец, – вступилась Кэтлин.

– Нет, конечно. – Джонатан выдвинул ящик стола, достал плотный пакет и вынул из него бумаги. – Это более крепкий орешек. Человек-загадка. Питер потрудился порядком, собирая на него досье. ЦРУ и Агентство национальной безопасности не слишком охотно сотрудничают при любых обстоятельствах, но, как сказал сенатор, при одном только упоминании имени мистера Каразова вообще наглухо задраили все люки. И все же нам удалось кое-что раскопать.

– Я был уверен, что вам это удастся сделать, – бесстрастно заметил Алекс.

– Вам тридцать семь. Вы родились в Румынии, но шесть лет назад получили американское гражданство. До того вы бежали из Советского Союза вместе с человеком по имени

Павел Рубански. – Джонатан помолчал. – Не без поддержки людей из ЦРУ. Само собой, вы должны были представлять для них большой интерес, чтобы они так расстарались.

– Вы хотите сказать, что он шпион? – изумилась Кэтлин.

– Не думаю, – сказал Джонатан. – ЦРУ воткнуло его сначала в команду аналитиков. Он проработал там шесть лет. Его заслуги ценили очень высоко, судя по тому, что он получал все, что хотел – вплоть до организации уик-эндов. – Джонатан отвел взгляд от Кэтлин. – С оплатой девочек по вызову. Тысяча долларов за ночь.

– Вы неплохо потрудились, – сухо заметил Алекс. – Если они так пеклись обо мне, то почему же я ушел от них?

– Что-то такое произошло, – ответил Джонатан. – Вы ушли, послав их к черту и хлопнув дверью. Они там и по сей день кипят от ярости, когда речь заходит о вас. Ходят всякого рода слухи, но ЦРУ строго засекретило все, что имеет отношение к вам.

– Уверяю вас, что я не сумасшедший ученый, который разрабатывает секретное химическое оружие.

– Я так и не думал. Научные исследования никак не вяжутся с вашим прошлым – со спецназом.

– Спецназ? – повторила Кэтлин незнакомое ей слово.

– Спецназ – русский вариант «зеленых беретов». Отборный отряд убийц, – добавил Джонатан.

– Не более отборный, чем спецслужба в Соединенных Штатах, – возразил Алекс. – Вы служили вместе с ними во

Вьетнаме, мистер Андреас.

– Да, но я не служил в КГБ, – отозвался он. – Через два года вас затребовал к себе КГБ. Для выполнения другой работы. Совершенно особого рода.

– Какого? – спросила Кэтлин. Она чувствовала себя так, словно присутствовала при странной игре в кошки-мышки, что велась между Алексом и Андреасом. Это угнетало ее и вызывало чувство досады.

– Почему бы не спросить об этом самого мистера Каразова? – Андреас откинулся в кресле, глядя прямо в лицо Алекса. – Он сам объяснит лучше. ЦРУ не любит прямо отвечать на поставленные вопросы. Но в отношении мистера Каразова их обуревают прямо-таки параноидальное нежелание говорить. Нет вопроса, они весьма ценят его способности: у него фотографическая память. В его уникальной библиотеке в Квантико имелась литература по любому вопросу – от новейшей ядерной физики до древней истории. Его ценили везде, где бы он ни оказывался – и спецназе, КГБ и ЦРУ.

– И нигде я не задерживался надолго, – вставил Алекс.

– Сейчас вы живете в Швейцарии, в великолепном тале. У вас столько денег, что ими можно топить камин. У вас счета в лучших банках Швейцарии.

– Он пишет романы, – вступилась Кэтлин. – Под псевдонимом Алекс Кэлан.

– Знаю. Более того, я прочел его книги и в восторге от них. По части сюжета его трудно превзойти. Но я сомневаюсь,

чтобы КГБ и ЦРУ носились с ним для того, чтобы обеспечить себя занимательным чтивом, – улыбнулся Джонатан. – На деньги с гонораров от книг такое шале не купишь.

– Все эти свидетельства приводятся для того, чтобы показать мисс Вазаро, насколько плохая репутация у человека, которого она выбрала в деловые партнеры. И что со мной не стоит иметь дела. Так? – без обиняков спросил Алекс.

– Скажем, небезопасно. – Джонатан обернулся к Кэтлин: – Каждый вправе принять решение, когда у него есть полная информация. А для этого ее надо получить.

– Вы имеете в виду не столько Кэтлин, сколько себя, мистер Андреас? Или вы уже приняли решение?

Кэтлин начала терять терпение: ей надоела эта перестрелка через ее голову.

– Что касается меня, то я хотела бы задать только один вопрос, который считаю важным. Что ты делал в ЦРУ, Алекс?

Он ответил не сразу. И на какой-то момент ей показалось, что он вообще не собирается отвечать. Но потом он коротко сказал:

– Решал головоломки.

– Ты шутишь.

– Нет. – Горькая улыбка появилась на его губах. – Я не шучу. Мне не было равных в искусстве разгадывать всевозможные «кроссворды».

Лицо Джонатана приняло строгое выражение.

– В разгадывании чего?

– Все очень просто. У меня особый дар. Дайте мне кусочки разрозненных сведений из одного источника, другого, третьего – и я тотчас отвечу, какая между ними существует связь. Я взвешиваю полученную информацию и даю прогноз на будущее. О том, что произойдет в ближайшие дни, месяцы, а иногда и годы.

– Это какой-то трюк? – произнесла недоуменно Кэтлин.

Алекс покачал головой:

– Нет! Скорее, гроссмейстерская игра. С той только разницей, что сам я никогда не принимаю участия в игре. Только говорю, куда и как надо передвинуть фигуры, чтобы выиграть. – Его улыбка погасла. – Они выиграли очень много партий с моей помощью. Из ста – девяносто два процента заканчивались успешно, если быть абсолютно точным.

– Разведывательные операции? – уточнил Джонатан.

– По большей части. Но иногда мне предлагали головоломки и из совершенно других областей.

– Каких же?

Алекс пожал плечами:

– Полагаю, мы уже достаточно покопались в моем ужасном прошлом. Я рассказал о том, что можно считать наиболее важным. – Он обернулся к Кэтлин. – Ну что? После всего сказанного ты, наверное, считаешь, что со мной не стоит иметь дела?

– Что? – Казалось, Кэтлин не слышала его вопроса. Что-то в его недавних словах настолько поразило ее, что она пол-

ностью ушла в свои мысли.

– Я сказал, что ты, наверное, решила...

– Ты и в самом деле умеешь разгадывать головоломки? Распутывать всевозможные загадки?

Все еще не понимая, к чему она клонит, Алекс кивнул:

– Да. В этом и заключалась моя работа. Я аналитик...

– Уникальный дар. И никто не может сравниться с тобой в этой области?

– В каком-то смысле да.

Она не обратила внимания на иронию, прозвучавшую в его голосе.

– Отлично. – И, повернувшись к Джонатану, заговорила, не скрывая охватившей ее радости: – Значит, у нас есть возможность завершить то, что еще не было сделано. Надпись на постаменте Танцующего Ветра. Еще никому не удалось расшифровать ее. И эта надпись чрезвычайно интересует мистера Масквела. Вы понимаете, к чему я.

Джонатан прервал молчание:

– Да, конечно. Эта тайна мучила наше семейство на протяжении многих веков.

– Алекс и я попробуем раскрыть ее.

– Мы? – Алекс приподнял брови.

– Конечно. – Кэтлин, нетерпеливо нахмурившись, посмотрела на него, прежде чем снова повернуться к Андреасу. – Я специалист по античности. Алекс – мастер решать головоломки. Чего же лучше?

Джонатан раздумывал некоторое время над сказанным.

– Интересное и неожиданное предложение. Следует ли мне напомнить о том, что над ее разгадкой бились много лет?

– Но Алекс обладает уникальным даром.

Алекс усмехнулся:

– Видимо, в следующий раз мне придется более тщательно выбирать выражения.

– Джонатан! Если Каразов возьмется за это дело, – впервые за все это время вступил в разговор Питер, – если мы начнем заниматься этим...

Джонатан с интересом посмотрел на Алекса:

– Вы считаете, что это возможно?

– Для начала мне надо хотя бы увидеть надпись.

– Андреасы не раз обращались к самым лучшим специалистам в этой области. И всякий раз дело заканчивалось неудачей. Наверное, требуется какой-то новый подход. Свежий взгляд на вопрос. – Он улыбнулся. – Специалист, которому окажется по зубам такой крепкий орешек.

– Я умею анализировать настоящее и давать прогноз на будущее. А вы говорите о том, что имеет отношение к далекому прошлому.

– Но это тоже своего рода загадка. Головоломка, – снова заговорила Кэтлин. – И мы сумеем решить ее.

– Весьма признателен, что ты так высоко оцениваешь мои способности, – задумчиво сказал Алекс, переводя взгляд на Джонатана. – Как бы там ни было, я, естественно, попробую

поработать над ней, если это будет означать, что и вы принимаете наше предложение.

– Мне надо подумать, – Джонатан поднялся из-за стола. – В любом случае Питер позвонит вам завтра утром. До свидания.

– Вы были так добры, что согласились принять нас, – сказала Кэтлин, вставая с кресла. – Мы бы не стали беспокоить вас, если бы это не значило так много для Вазаро. Пожалуйста, поверьте мне. Я... Мы сможем расшифровать надпись. – Выражение ее лица было чрезвычайно серьезным. – И если вы доверите нам Танцующий Ветер, обещаю, мы сумеем убедить его, мистер Андреас.

– Джонатан, – поправил он ее. Суровый взгляд Андреаса несколько смягчился. – Независимо от моего решения, я надеюсь, что мы прощаемся не навсегда. Может быть, вы захотите провести у нас несколько недель этой осенью, когда вся наша семья соберется, чтобы отметить день рождения моего отца.

– Благодарю за приглашение. Но боюсь, ваш отец не очень-то обрадуется мне. И я пока не знаю, не потребуется ли в тот момент мое присутствие в Вазаро.

Она повернулась к Питеру:

– Надеюсь, завтра мы поговорим обо всем подробнее.

– Я тоже рассчитываю на это.

Кэтлин поколебалась еще немного:

– Мне бы хотелось... Раз уж мы здесь, нельзя ли мне

взглянуть на Танцующий Ветер?

– Конечно, – Джонатан кивнул Питеру, который же направился к дверям. – Питер отведет вас к нему.

Алекс взял Кэтлин под руку, и они двинулись следом за Питером.

– Каразов, – окликнул Джонатан, когда они уже были у самой двери. – У меня еще один вопрос. Что случилось с вашим другом, Павлом Рубански?

Кэтлин почувствовала, как мгновенно напряглась рука Алекса.

– А что говорится о нем в вашем досье?

– Швейцарская полиция составила рапорт, согласно которому его смерть последовала от сердечного приступа в июне этого года, когда он находился в вашем шале.

– Тогда к чему этот вопрос?

Джонатан помолчал.

– Думаю, что мне не следовало его задавать. Это простое любопытство. – Он сложил бумаги и убрал их в стол. – Пришлите мне дополнительные сведения, которые касаются ваших планов проведения рекламной кампании.

Алекс кивнул:

– Немедленно, как только вернусь в отель.

Они прошли вслед за Питером по длинному коридору. Наконец он остановился возле одной из дверей.

– Ну вот мы и пришли. – Питер открыл дверь. – Здесь находится Танцующий Ветер. Заходите.

– А я почему-то думал, что вы прячете его в каком-нибудь сейфе, – сказал Алекс, оглядывая просторную, с высоким потолком комнату, посреди которой на постаменте стояла золотая фигурка Танцующего Ветра.

– Стали бы вы держать в сейфе члена семьи? – улыбнулся Питер. – Хотя если вдуматься, то у меня есть одна престарелая тетушка, которую я бы с удовольствием отправил туда. Не беспокойтесь. Здесь отличная охрана.

Взгляд Кэтлин не отрывался от пьедестала, который находился на самом почетном месте в центре комнаты. Дыхание у нее перехватило, и она застыла у входа.

– Боже мой! – Ей всегда казалось, что она готова к встрече с Танцующим Ветром. Но оказалось, что нет.

– Такое впечатление, что тебя ударили прямо в солнечное сплетение, правда? – грубовато спросил ее Питер. – Я знаю, каково это. И по сей день мне не так просто войти и эту комнату...

После первого ошеломляющего впечатления Кэтлин почувствовала, как в ней рождается какое-то новое ощущение. Состояние абсолютной ясности. Словно вся ее жизнь сама выстроила все так, чтобы она оказалась здесь. Медленным шагом она двинулась вперед, пока не остановилась прямо у статуэтки:

– Привет, малыш!

Она не осознавала, что произвольно заговорила вслух. Как и не осознавала того, что рука ее сама собой потянулась

вперед и с такой осторожностью коснулась точеного крыла, словно она боялась, что оно сейчас исчезнет. Золото светилось нежным светом, оставляя впечатление прохлады, чистоты и еще чего-то...

– Кэтлин! – услышала она голос Алекса.

– Да?

Как странно. На голографическом изображении изумрудные глаза смотрели с холодным отчуждением. Но сейчас в них ощущались мудрость, понимание и даже сострадание.

– Пора идти.

– Да мы же только вошли... – Она протестующе повернулась к нему и увидела, что и Алекс, и Питер смотрят не на Пегаса, а на ее лицо. Кэтлин отступила на несколько шагов и заставила себя улыбнуться Питеру: – Спасибо. Я мечтала о встрече с ним с самого детства.

– Вы можете навестить его когда захотите. – Питер все еще не сводил глаз с ее лица. – Это было... очень интересно.

Алекс, словно желая защитить, шагнул к ней, обнял за плечи и с мягкой настойчивостью увлек за собой к двери:

– Это завораживающее зрелище. Оно оставляет неизгладимое впечатление. Мы будем ждать вашего звонка, Масквел.

– Счастливого пути. – Питер вышел следом за ними и направился через холл к кабинету Джонатана.

– У меня было такое впечатление, что еще чуть-чуть, и ты схватишь его и убежишь, – проговорил Алекс. – Думаю,

Питер был готов к этому.

– Он так прекрасен, Алекс.

– А мы получили удовольствие, наблюдая за тобой. Ты замерла возле него и простояла минут пятнадцать не шевелясь.

– Пятнадцать? Да ты что? Мы там всего-то находились... – Ей казалось, что они провели в комнате несколько секунд. – В самом деле?

– В самом деле. Было ощущение, словно тебя загипнотизировали. – Алекс открыл входную дверь. – Но в целом, на мой взгляд, встреча прошла успешно. – Он усмехнулся. – Хотя ты несколько сбила с толку Андреаса тем, что не выказала ожидаемого им отвращения и презрения к моему ужасному прошлому. – Улыбка сошла с его лица, когда он посмотрел на нее. – И, надо признать, я тоже сильно удивился.

– Почему? Все, что я слышала, было очень интересно, но я и без того догадывалась, что ты занимался какими-то секретными вещами. – Она начала спускаться по каменным ступеням к ожидавшей внизу машине. – На самом деле все оказалось намного невиннее, чем я себе воображала.

– Но ты хоть осознаешь, насколько важным было твое вмешательство в ход нашей беседы? – Алекс крепко сжал ее руку. – Как это ты набралась храбрости?

– Я просто увлеклась и забыла о том, как тряслась от страха, пока мы ехали сюда. – Она серьезно посмотрела ему в глаза. – К тому же я сказала ему правду. Я сумею расшифровать надпись.

– Ты? Поправь меня, если я ошибаюсь, но я так понял, что ты отказываешься от моих услуг?

– На Джонатана произвели большое впечатление твои способности, только поэтому я и решила сослаться на них, – оправдываясь, проговорила Кэтлин. – Мне одной он бы не доверил такую работу. На самом деле расшифровкой я буду заниматься сама.

– Вот как! – лениво протянул Алекс. – А меня начинает интриговать эта загадка.

Она резко повернулась к нему:

– Это мое дело, Алекс!

Он расхохотался:

– Ого, как ты сразу выпустила коготки! Я пошутил. Мне хотелось посмотреть, что ты скажешь.

– Опять твоё чертово любопытство! – Она помолчала. – Извини. Просто никогда не думала, что мне представится такая возможность. Впрочем, ничего ещё не известно. Что, если Андреасу придется не по душе план рекламной кампании?

Алекс покачал головой:

– Мне кажется, что он выискивает подходящий предлог, чтобы дать свое согласие.

– Ты хочешь сказать, что он может передумать?

– Нет, – ответил Алекс. – Он уже передумал.

– И какое у тебя осталось впечатление, Питер? – Джонатан откинулся на спинку кресла. Его пальцы непроизвольно

поигрывали фотографией Глен Клоус, что лежала прямо перед ним на столе.

– О ком?

– О Каразове.

– Умен. Решителен. Скрытен.

– А Кэтлин?

Питер улыбнулся:

– Сначала она мне показалась мягкой кошечкой. Но с того момента, когда вдруг загорелась идеей расшифровать надпись... Первоначальное впечатление, которое она производит, обманчиво. – Улыбка исчезла с его губ. Выражение лица стало задумчивым. – И она влюблена.

– В Каразова?

– Может быть... – Питер усмехнулся. – Но еще сильнее – в Танцующий Ветер. Я не могу забыть, какими глазами она глядела на статуэтку. Никогда не видел, чтобы лицо озарилось таким внутренним светом.

– В таком случае она не меньше нас заинтересована в том, чтобы со статуэткой ничего не случилось.

– Совершенно верно. – Питер изучающе посмотрел на Джонатана. – И все же тебя мучают сомнения, можно ли доверять им Танцующий Ветер?

– Ты считаешь, что я способен на такой безумный шаг?

Питер усмехнулся:

– Надеешься, что стану отговаривать тебя? Ошибаешься. Ведь если мы дадим им возможность вывезти Танцующий

Ветер во Францию, я наконец заполучу дневник Катрин. И, кроме того, есть надежда расшифровать надпись.

– Рискаю навсегда потерять саму статуэтку.

– В том случае, если ты сам отправишься в эту поездку, можно гарантировать ее безопасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.